

НАДЕЖДА ГОРОДЕЦКАЯ

Прозаик, журналист, литературовед

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА В ПАРИЖЕ

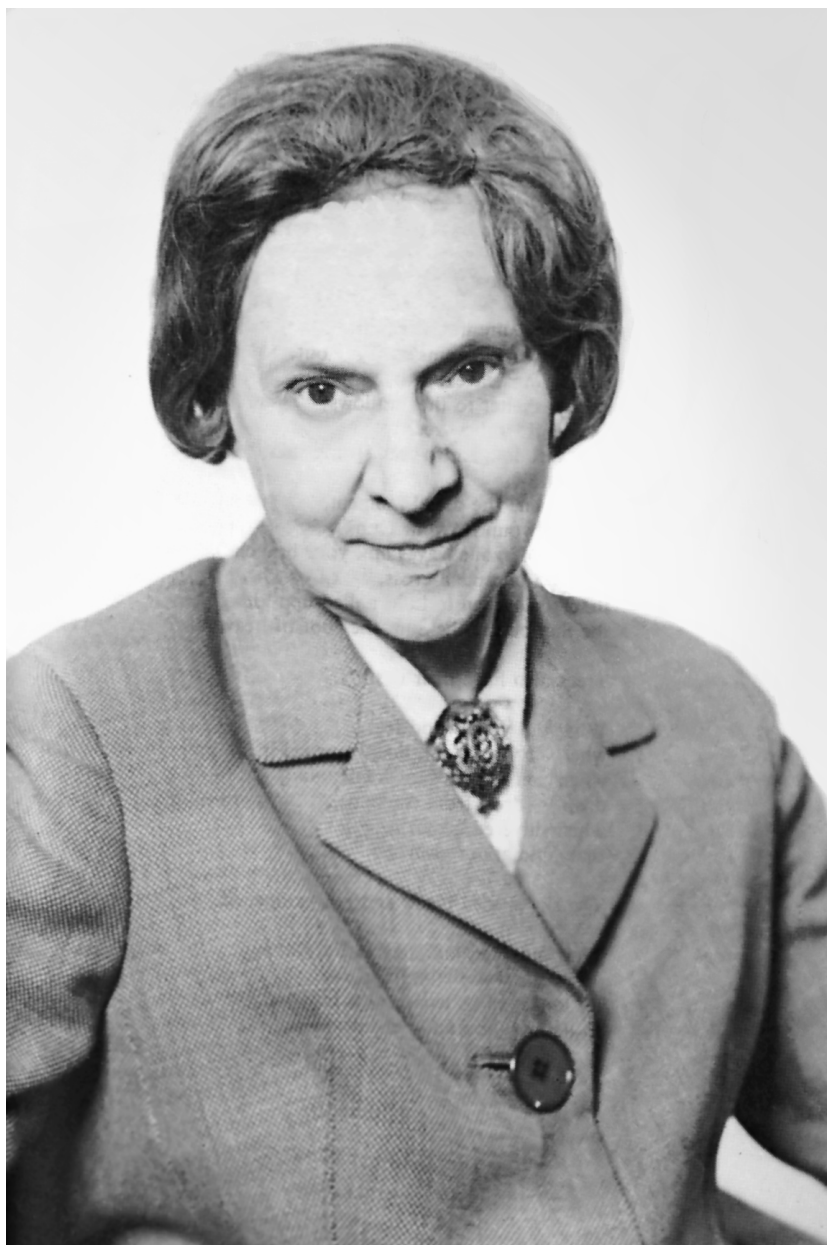
ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир русского зарубежья — огромный материк, созданный беженцами. Оказавшись на чужбине, русские действительно «принесли с собой Россию» во всём многообразии и богатстве её культуры, общественной, научной, религиозной жизни. Стеснённость жизненных условий, иноязычная среда стимулировали мощное развитие внутренних творческих сил. Сегодня общепризнан вклад русской эмиграции в культуру мировую.

О быте и чаяниях беженцев повествуют романы, мемуары, переписка. Но нам по-прежнему интересно узнавать новые и новые чёрточки повседневной жизни наших соотечественников. Среди научной, технической, творческой интеллигенции, среди философов и политиков, военных и профессоров преобладали, естественно, мужчины. Кому-то приходилось осваивать новые профессии: знаменитый Союз русских шофёров в Париже насчитывал более тысячи человек. Но были сферы, где активно проявляли себя именно женщины. Это, конечно, забота о детях, воспитание юношества, это такие творческие стихии, как музыка, театр, кинематограф, дизайн. Неприметным героиням, русским женщинам-эмигранткам, и посвящена данная публикация.

Надежда Даниловна Городецкая (1901–1985) родилась в Москве, школьные годы провела в Гатчине. Отцом её был книготорговец, издатель, очеркист Д. М. Городецкий, мать обладала музыкальными талантами. В 1919 году, потеряв в толпе беженцев семью, Надежда через Константинополь эмигрировала в Югославию, училась в Загребском университете, а в 1924 году приехала во Францию.

С юности Надежду отличали упорное стремление к образованию, любовь к творчеству, воля к жизни. Замужество её было кратким и неудачным — о нём она впоследствии никогда не рассказывала. По жизни прошла она путём одиноким, и тема сиротства, заброшенности отчётливо звучит в её произведениях. О непростых судьбах русских женщин в изгнании Городецкая знала не понаслышке. Прежде, чем получить литературный зара-

Надежда Городецкая (1901–1985)

боток, ей пришлось освоить немало профессий. Она рассказывает в автобиографической заметке: «Первый в жизни заработок: физическая работа в Югославии, на сушке медицинских растений. Второй — гонорар за маленькие рассказы на хорватском языке... В Македонии... торговала овцами. В Париже: кинематографическая фигурация. Одевание для фабрики кукол. Переписка на машинке. Бухгалтерия. Кратковременное мытьё посуды в русском ресторане. Прогулки с ребёнком и разные мелкие случайные работы. При всём этом и назло всему этому — писала. Первый роман — брала рукопись в киностудию. Строчила в перерывах между свистками и прожекторами» («Молва», 1934, 6 янв.).

Вот почему она хорошо знала быт, заботы и чаяния своих соотечественниц — многие из них оказывались впоследствии персонажами её рассказов об эмигрантской жизни. Главной стезёй Городецкой становится литература и журналистика. Она входит в культурную жизнь Парижа, выступает на литературных вечерах, участвует в собраниях лит. объединения «Кочевье», становится членом Союза молодых поэтов и писателей. За десятилетие своей парижской жизни (1924–1934) опубликовала три романа, около сотни рассказов и очерков. Талант молодой писательницы заметили и оценили Б. Зайцев, А. Куприн, критики зарубежья М. Цетлин, П. Пильский и другие.

Сегодня с наследием Городецкой постепенно знакомится российский читатель: опубликованы её литературно-критические обзоры («Спор поколений», «Католическая литература» — в кн. «Христианство и русская литература», сб. 6. СПб., 2010) и интервью с писателями русского зарубежья, среди которых А. Куприн, А. Ремизов, М. Алданов, Б. Зайцев, В. Ходасевич, И. Шмелёв, Н. Тэффи, М. Цветаева, И. Бунин (в кн. «Христианство и русская литература», сб. 7. СПб., 2012).

В эмиграции Городецкая стала глубоко верующей православной христианкой, её духовным отцом был архимандрит Лев Жилле — известный богослов, миссионер, человек подвижнической жизни. Интерес к религиозной философии отразился в её выступлениях и докладах на Франко-русской студии, на семинарах Н. Бердяева «Вера и творчество».

С половины 1930-х годов жизненный путь Городецкой резко меняется: она покинула Францию и обосновалась в Великобритании, где ей была предоставлена возможность получить богословское образование в Бирмингеме. Защитила магистерскую и докторскую диссертации, стала первой женщиной-лектором на богословском факультете Оксфорда, затем профессором русистики Ливерпульского университета. Писала труды по истории русской церкви и русской литературы.

Но сейчас мы предлагаем читателю погрузиться в мир барышень, русских по крови и духу, оказавшихся в Париже 1920-х годов. Этот город ока-

зался прагматичным и не всегда милосердным, выжить в нём можно было, лишь работая в поте лица в условиях острой конкуренции с коренными французами. И эту конкуренцию русские женщины выдержали с честью. Из очерков мы узнаём, что популярностью среди французского населения стали пользоваться русские швеи, что парижане с удовольствием посещали русские рестораны, что для съёмок кинокартин приглашали русских девушек, цenia в них красоту, выразительность лиц, «северно-славянские черты». В работницах сервиса отмечали всегдашнюю корректность и обязательность. Городецкая неизменно подчеркивает в русских предприимчивость, работоспособность, чувство долга. В суровом эмигрантском быту требовались воля и мужество. «Эта медленная, упорная, трудовая победа казалась мне более блестящей и значительной, чем любая американская легенда», — так завершается один из очерков.

Городецкая рассказывает о тех сферах деятельности, в которых проявляли свои таланты соотечественницы: портнихи и манекенщицы, парикмахерши и косметологи, официантки и мастерицы игрушек. Два очерка посвящены миру кинематографа — в первом изнутри показан изматывающий, неблагодарный и порой унижительный труд «фигуранток» — женщин, снимающихся на второстепенных ролях и в массовке. Во втором пред читателем проходит череда киноактрис, русских по происхождению, которые обрели славу кинозвёзд в зарубежном кинематографе; их портреты Городецкая сопровождает меткими наблюдениями.

Наряду с освоением новых жизненных реалий изгнанники поддерживали за границей свою национальную культуру, берегли веру. Их интеллектуальная и духовная жизнь отражена в очерках о христианском движении, русском студенчестве, летнем лагере для девочек, детской школе-приюте, устроенной княгиней Ириной Палей.

Русская эмиграция проявляла всестороннюю заботу о подрастающем поколении. Никто из детей беженцев не оказался брошенным на произвол судьбы. Так называемый Фёдоровский комитет обеспечил материальные условия для учёбы тысячам русских студентов, дал возможность получить высшее образование, хорошую специальность. Воспитанию детей посвящали себя представители христианских организаций, устраивая приюты и школы, летние лагеря, кружки мальчиков-«витязей» и девочек-«дружинниц». В иной конфессиональной среде (католической или атеистической) женщины возвращали русских православных христиан, являя самоотверженную заботу о материальном и душевном их устройении. Заметим: и сама Городецкая, беседуя с героинями своих очерков, часто обращает внимание на их детей, смотрит на них с материнской нежностью.

Очерки привлекают конкретностью описаний. Городецкая внимательна к деталям, подчёркивает жест, передаёт реплики, профессиональные

словечки. Это внимательный и любящий взгляд. В нём не только профессиональный интерес журналиста, но и сочувствие к своим собеседницам. В отрыве от родной почвы, в бедности и смутных перспективах будущего, они всё-таки остаются Русскими Женщинами, с их добрым и любящим сердцем, самоотверженностью, трудолюбием, надеждой на счастье и искренней верой.

Алексей Любомудров

Портнихи*

Начинается сезон. Первые русские вечеринки, гастролы «Пражан»*. Всюду полно народу, и всюду мы встречаем миловидных, как будто беззаботных и часто нарядных женщин. Однако, если вслушаться в их разговоры, промелькнёт:

— Батик* вовсе бросила. Хочу на боте* переходить.

— Не говорите, я из-за этой новой линии первые руки вовсе отпустила*.

Эти таинственные, ставшие понятные русскому Парижу выражения, относятся к работе. Громадное большинство этих дам с розовыми ноготками целый день проводят в мастерских, лабораториях, конторах.

Иностранец, живший в России в мирное время, спрашивал:

— Скажите, сохранился ли тип русской курсистки*? Ведь какая была бешеная энергия! Училась, жила на гроши, носилась по урокам, занималась политикой и ещё успевала посетить все интересные постановки, прождав предварительно два часа в хвосте за дешёвым билетом. И ещё на галерке выстаивала — всё ради увеличения своей культуры и духовного развития.

Пожалуй, что этот вид исчез. Жизнь — иная, иные запросы. Но энергия не иссякла. В любом учреждении найдёшь русскую служащую. Инициатива, добросовестность, выдержка их поражает иностранцев. Эти качества особенно ценны сегодня, в тяжёлое экономическое время* — кризис отразился на всех отраслях труда.

В одном доме, где недавно ещё помещалась модная мастерская, консьержка с удовольствием сказала:

— С американками работали — вот и допрыгались. Лопнули*!..

Золотой период кончился, постепенно исчезли дома, которые скорее можно было сравнить с благотворительными учреждениями.

И всё-таки «кутюр»* — наиболее устойчивая область. Особенно там, где речь идёт или о единичном труде, или о деле, во главе которого стоит понимающая и работающая женщина*.

Случилось так, что первую беседу о судьбе наших игольных достижений я вела... с женщиной*, ближайшим соседом редакции. И даже — философом и пессимистом.

— Дело наше скорее трагическое, — сказал он. — Иные дамы потеряли привычку платить*. К тому же все желают казаться сальфидами*. А иностранок ныне... — он многозначительно указал на стройно стоящие синие кресла. — Между тем русская работа в техническом отношении всегда считалась на первом месте. Даже и в мирное время во французских домах был спрос на русских мастеров*...

Я двинулась дальше, продолжая придерживаться центра города, свернула недалеко от «Прэнтан»*, разыскала вход, соседний с французским театром. Было около двух часов. На повороте нужной мне лестницы, на скамеечке, сидели и поспешно докуривали папиросу две женщины. Я решила, что нам по дороге. Действительно, не успела я позвонить, как две быстрые тени промелькнули за мной в другую половину дома.

«КАК ВЫ НАЧИНАЛИ ДЕЛО?..»

С владелицей этой мастерской разговориться стоило. Дочь богатых москвичей, жена офицера, вряд ли собиралась она стать швейей.

Большая квартира, гостиная сиреневого шёлка, подушки стиля модерн*.

— Неужели вы сразу начали такое большое дело?

— Нет, что вы... Да и какое же оно большое? У меня даже манекенов нет... Училась ли я? Конечно, в Монте-Карло училась. Работала простой мастерицей. Затем переехали в Париж. Просила мужа квартиру поискать. Он и нашёл! И почему им непременно надо стильную такую архитектуру отыскать? Вместо входа — дыра, провалишься в неё и блуждаешь в поисках своей двери... Дочка была маленькая. Из дома уйти трудно, к себе же заказчицу пригласить и вовсе невыносимо. Стала я брать на магазин готовых вещей детские платица. По четыре с полтиной за штуку.

— Сколько же вы их могли в день сшить?

— С ребёнком да с хозяйством штуки три-четыре вырабатывала. Но завязались знакомства. Начала гонять через весь город с примерками.

— И никакие американки вам не помогали?

Дама засмеялась.

— Нет... Но это не легенда*. Были русские в моде в начале эмиграции*. Случалось, что заказчица расспросит о делах, а там и пожертвует на расширение. Одна моя приятельница вышивала крестиком для заработка*, а для себя по вечерам гладью целую картину изобразила. Всё из головы, рисунок еле намечен карандашом. Крестики тем временем из моды стали выходить. Сидит она, от нечего делать, и без всякого экстаза картину свою вышивает. Тут является клиентка. Поболтала, посмотрела, заметила и то, что на столе валялось. Заохала, заохала, улетела. А на другой день четверо их примчалось, все американки. Через три месяца выписали мою приятель-

ницу в Нью-Йорк, сами и визу и билет достали. Она там тысячные заказы выполняла в частных домах. А сейчас какие же американки! — И моя собеседница оправила набегающие над локтем рукава своего чёрного платья.

НЕЧАЯННАЯ КЛИЕНТКА

— Как же вы пробились?

— Уверяю вас, что очень просто. Спросите любую русскую из кутюра, у всех одна карьера. Рекламы никакой не делала, так от одной дамы к другой молва идёт. Стала не поспевать, взяла помощницу. Потом ещё одну. Квартиру маленькую удалось нанять. Постепенно цены повышала, клиентура менялась. Так и сюда добралась. А тут у меня анекдот произошёл.

Пришла француженка средних лет, изящная. Заказала платье. Потом посыпалось: и то ей надо, и другое. А на примерку не является. И вдруг приезжает за мной машина — оказывается, дама-то моя богатая, да графиня, но скрывала, чтобы с неё не содрали. Стала она постоянно у меня одеваться. Потом опять надолго исчезла. Даже вещей своих не берёт. Наконец является ко мне её маникюрша.

— Умирает наша графиня. Больна. Хочет вас видеть.

САВАН ИЗ ЛАМЕ* С МЕХОВОЙ ОПУШКОЙ

Санатория за городом. Я отправилась. Лежит моя графиня, вся жёлтая, вид ужасный.

— Умираю, — говорит. — Приготовьте мой последний наряд. Из серебряной парчи, с меховой опушкой. Да мех отступя пришейте, чтобы не щекотал. И пожалуйста, на фланелевой подкладке, а то кто его знает, в этом парижском климате и под землёй не жарко.

И как заплачет! Я тоже в слёзы. Жалко человека.

Вернулась домой, обедать не могу. Рассказываю мастерицам, что надо саван шить. Как не исполнить последнюю волю? Они ещё полюбовались стойким её характером. Выполнили, отослали.

Через день приходит коробка назад... Значит, умерла.

Нет, записка приложена.

«Милая, по-моему, вы дорого посчитали. Кроме того, немного коротко и на груди набегают».

Уложили мы одну мастерицу на стол, так в лежачем виде и пригнали... А графиня выздоровела. Уверяет, что это мой саван ей счастье принёс.

Ламе-то уже всё почернело. Но она куда ни едет, всюду за собою коробку тащит. А мне всех приятельниц своих посылает.

Вышла закройщица. В деловом шёпоте я различила:

— Само собой, рукава с нервами*.

Я раскрыла каталог одного из крупнейших французских домов. Рисунков, конечно, никаких — одни названия платьев.

«Следуйте за мною», «Разве я знаю?», «Приключение», «Приятельница», «Спальный вагон»*.

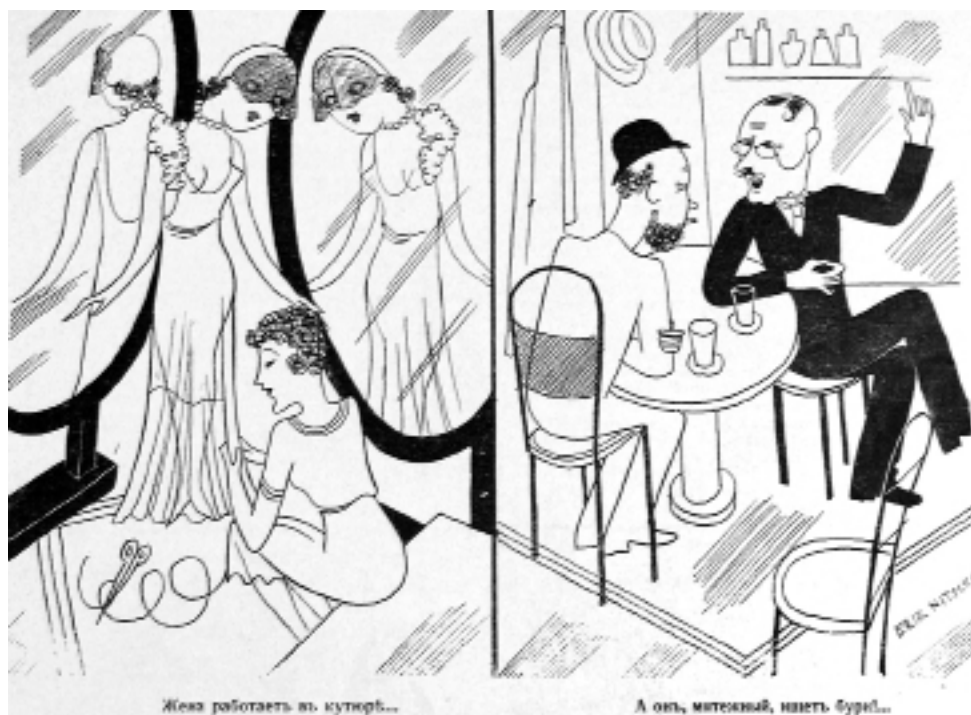
— Вы следите за моделями больших домов?

— Это необходимое условие работы. У меня ведь одеваются иностранки, — они очень дорожат тем, чтобы сказать — «это от Пату»*. Иные и действительно наряду со мной покупают одно-два платья настоящих. Дают мне скопировать, а за это просят скинуть франков триста на том, что делаю для них. Конечно, соглашаюсь. Ну, и целый ряд существует комбинаций. Тут есть французские мастерские, огромные, исключительно работают по копированию — то зарисуют модель, то найдут заготовку. Там и полицейские преследования бывают, аресты вещей, громадные штрафы*. Я-то стараюсь изменить по-своему, не хочется неприятностей наживать, а для дам ведь самое важное — самовнушение.

Работают у меня в большинстве русские. С иными чуть не с самого начала вместе. Были такие, что поступили на сто франков в неделю, а теперь вчетверо зарабатывают. Полагается рабочая неделя в сорок восемь часов. Многие предпочитают лишний час на дню, зато субботу — целиком для себя, для семьи. Одна ушла, теперь своё дело начинает. Все настойчивые добиваются успеха... Да вот и меховщица моя — тоже русская. Вошла в компанию с французом-скорняком. Он работает, а на ней — заказы, клиентура, представительство. Женщины спокойнее мужчин, не увлекаются и головы не теряют. И часто всю семью на себе тащат. Одна у меня была — молоденькая, двое детей, и муж этакий мечтательный. Всё изобретал что-то: то йогурт* — изобретёт и вдруг узнаёт, что уже до него много лет существует. Он тогда за другое хватится — всё в том же роде. Поверите ли, верёвочку какую-то выдумал для тушения электричества — а рядом выключатель. Прямо как в «Сатириконе»* было написано:

*Жена работает в кутюре,
А он, мятежный, ищет бури...**

Нас прерывали звонки по телефону, вызовы в мастерскую. Эта медленная, упорная, трудовая победа казалась мне более блестящей и значительной, чем любая американская легенда*.

* * *

Курсы и мастерская при женском объединении*. Встретила меня серьёзная сдержанная дама. Почти не верилось, что этот человек бежал через границу, испытал нужду и тяжёлый труд. В Константинополе — работа у английского портного, сначала таскание утюгов, намётка, — потом кройка, верхние вещи. Наконец — Париж, постепенное завоевание клиентуры.

— А что это за общество у вас?

— Исключительно деловое объединение. Никакой благотворительности. Все члены — свои, окончившие курс. Занятия продолжаются три месяца; но очень усиленные занятия, и с обязательством работать дома часа по три, по четыре в день. Многие остаются ещё на некоторый срок, ради практики. А то ведь работа нервная, ответственная — иной человек и всё умеет, а храбрости ещё не набрался. Да и вопрос быстроты тоже зависит от практики. Многие прямо от меня устраиваются на службу. Кроме того, все бывшие ученицы могут в любое время прийти справиться о новых модах — знаете, это ведь очень важно и трудно достать выкройки. Тут можно получить и журналы. Иная возьмёт заказ, а выполнить не может — ну, придёт посоветоваться. Кроме того, и материал мы иногда получаем по оптовым ценам, это тоже преимущество немалое.

Кто учится шить

Состав учениц — самый разнообразный. Больше всего молодых интеллигентных русских женщин. Случалось, что начинали учиться для себя, а там судьба распорядилась по-своему, заболел или лишился работы муж — и жена своей иглою кормила всех*. Немало среди учениц — приезжих. Кто из провинции, а больше того из русской заграницы. Есть ученицы, которые нынче открыли мастерские в Болгарии, Чехии, Владивостоке, Палестине. И по возрасту они разные. Не унывает русская женщина. Мать одного известного пианиста решила на старости лет пройти курс кройки и шитья — и очень хорошо справилась. А сейчас есть один курьёзный случай. Журналистка, венка, надумала перейти на модный отдел — это в целом ряде журналов даст ей хороший заработок. Теперь изучает ремесло подробно, сама и шьёт, и кроит — будет потом во всеоружии вести свою страничку мод.

Кое-кто изучал другие ремесла — массаж, уход за красотой, парикмахерское дело, — а теперь перешли на шитьё. Это заработок более верный. И небрежничают редко, относятся к делу серьёзно.

— И неужели на французскую конкуренцию работы хватает?

— Да, конечно. У французов или великолепные многотысячные дома, или конфексьон — фабричная работа. Мастерница привыкла то один рукав, то один подол заготавливать. А русская изучает дело досконально, работает, как в хорошем доме, а цены берёт средние.

— Попадались ли вам какие-нибудь особенные заказчицы? — спрашиваю я.

— У меня одевалась афганская королева*, супруга Амануллы*. Очень ей нравилось, что всё «по-парижски». А некоторые вещи делали для неё стильные, по рисункам Билибина*... Однако ничего с ней особого не происходило. Женщина, как всякая другая. Я думаю, все эти сказки об азиатах очень преувеличены.

Работающие на дому

Меня интересовали контрасты. Я отправилась в скромный район, на Пляс Итали. Милая добродушная хозяйка показала мне нарядное вечернее платье.

— Всё моя работа. Это для артистки из «Одеона»*. До того восторженная особа — если ей нравится, так даже расцелует.

— Как это вам удалось залучить такую звезду?

— Не знаю как. Ни в какой мастерской никогда я не работала. Всё у себя на дому. Конечно, не гнушалась ни расстояниями, ни переделками. Какого иной раз горя натерпелась!

Шила я один раз платье, дорогое, с ручной работой. Спешный был заказ. Сидела всю ночь. Глаза слипаются. В пятом часу спать легла, но довольна — работа вышла чистая. В девять еду сдавать заказ. Разворачиваю платье, меряю. Да как схвачусь за голову! Кружево там было, — так я от усталости недоглядела и всё кордонне¹ наизнанку вышила...

Но теперь уже четыре года в этом доме живу, и весь дом у меня одевается. Француженки экономны, но труд понимают и ценят. Скажешь ей цену — «сэ рэзонабль!»² — и уж к другой от вас не перейдёт.

Жаловаться нечего. Добросовестность в нашем деле нужна, и терпение. Теперь уж я сама не справляюсь, помощницу, тоже русскую барышню, взяла.

Девушка услышала, что говорят о ней, подняла голову и улыбнулась.

— И вы рассчитываете сделать карьеру? — спросила я.

Она ответила по-французски:

— Да, но придётся подождать.

БЕЛОШВЕЙКА

— Я к вам не за бельём, а от газеты, — сказала я, входя в маленькую квартиру, недалеко от Сен-Поль*.

Хозяйка, хорошенькая брюнетка, оказалась литовской еврейкой. Она приветливо пригласила меня войти.

— Вам ничего, что я не русского происхождения?

В эту минуту вбежала девочка лет девяти, с книгами, в чёрном передничке и доложила:

— Из географии спрашивали: что такое озеро? И я написала «гран рюиссо»³.

— Какая же вы нерусская, — заметила я. — Вон у вас и дети по-русски говорят.

Она ответила:

— Разве можно дать им забыть такой язык!

После чего рассказала, как приехала в Париж из Литвы и стала работать. Знакомые, уже устроившиеся, скрывали адреса мастерских, с которыми работали. Найти постоянного французского заказчика не так-то просто. Самый оживлённый сезон в белошвейном деле, особенно мужском, — весна и лето. Перед отъездом на дачу заказов особенно много.

— А вы уже умели работать?

¹ Род глади (Примеч. автора).

² C'est raisonnable — это разумно, подходит.

³ Un grand ruisseau — большой ручей.

— Немножко, для себя. Вышивала неплохо. Тут училась. Очень страшно было впервые кроить, да ещё из чужого хорошего шёлка. Прямо руки дрожали. Но всё-таки предпочитаю материал заказчика — по крайней мере, никаких недоразумений, и никто не считает, что ты украл его кусок. Знаете, клиенты разные бывают. Иная дама урле чуть не в лупу разглядывает.

— Неужели у вас русские заказывают, и есть ещё у людей деньги на такие вещи?

Собеседница моя выразительно покачала головой, присвистнула.

Самое трогательное, что и она сказала то, что говорили до сих пор все женщины, с которыми мне приходилось разговаривать.

— Бывают, конечно, тяжёлые времена. Но жаловаться не приходится. Работаю дома, дети на моих глазах растут... Разве что иной мужчина-заказчик очень изведёт.

— Чем?

— Фокусники, модники! И чтобы там ему пластрон* лежал, и манжету ему то круглую, то прямую. А тому воротник округлить, а тому — с хвостиками. Чуть не по два раза примеряют. То руку вытянет, то согнёт. И чтобы во всех положениях нигде морщинка не набежала. Трудно с ними. Большие они привередники...

Выходя, я смешливо подумала:

— Неужели придётся стать феминисткой?

МАНЕКЕНЫ

Один из хороших заработков — служба манекеном*. Помимо жалования и, часто, стола, манекен получает ещё и проценты с проданных вещей. Эта цифра колеблется в зависимости от дома и его цен — от двух с половиной франков до десяти, пятнадцати и даже двадцати.

Утром можно поспать — на службу не раньше половины десятого. Среди дня бывают свободные часы, когда можно заниматься своими делами. И при всём этом жизнь и работа манекена далеко не столь приятны, как это кажется со стороны.

КАК ВЫ ПОСТУПИЛИ НА СЛУЖБУ?

Моя молоденькая собеседница отвечает весело и охотно:

— Я долго шила в мастерской, испортила зрение, а зарабатывала гроши. Ну и решила попытаться стать манекеном. Подруги указали мне адреса. Я нарядилась, намазалась, надела шёлковое бельё. У сестры заняла шляпу.

⁴ Рубец (Примеч. автора).

Пришла в один дом — не надо. В другой — хотят попробовать. Сейчас меня в кабинку, натянули шёлковое платье, такое узкое, что чуть не лопаётся. Я в нём двинуться боюсь, а мне велят выйти в салон.

А там уже целый синклит собрался. Одевальщица вышла, продавщицы, моделист, директор, ещё какие-то люди. Как я ходила — не знаю, у меня в глазах от страха туман стоял. Спрашивают — не дебютантка ли я? Конечно, я соврала, что уже служила, а то начинающих никто брать не любит — возня с ними, не справляются, или же возьмут, но за грошовое жалование. Бумаг же никогда не спрашивают. Или манекен подходит, нравится, или нет. А им как раз нужен был сорок второй.

Тут я проявила невежество и просила объяснить, что это значит. Девушка улыбнулась.

— Это половина объёма груди при росте в 175 или 180 и при объёме в бедрах 89–90 см.

Тут она совсем уж рассмеялась — вспомнила, как пристают иной раз полнеющие покупательницы и выспрашивают у манекена секрет красоты и молодости.

— Так вот, велели мне приходить на другой день. У них как раз одна ушла. Манекены вообще редко служат подолгу. Та не нравится, или просто надоела клиентам, эта не поладила с продавщицей. А на иную и моделист отказывается работать — не в его стиле. Так что тут борьба происходит страшная, и подлизывание. Есть среди манекенов «ведетты»*, любимицы публики или дирекции. Им даётся лучшая и самая большая коллекция, до тридцати платьев. Это и честь, и лишний шанс на заработок... Все ли хорошенькие? Нет, главным образом нужна фигура, молодость.

ДЕНЬ МАНЕКЕНА*

— Вы спрашиваете, как я себя чувствовала в первый день? Плохо. Пришла вовремя, никого ещё кроме меня не было. Абийез* — одевальщица — выдала мне халат, заготовила мои платья. Велит гримироваться — а я не умею. Тут часто начинаются муки. Если вы поступили в середине коллекции, и ничего на вас лично не шито, то другие манекены стараются вам подкинуть самые некрасивые платья. А когда им лень, то гоняют новенькую вместо себя. В виде ободрения слышишь: «Как ты безобразно ходишь», «Ты причесана как кухарка».

Конечно, товарки сразу называют на «ты». Дают новичку фальшивые советы, ругань стоит первоклассная, всё время рассказываются грязные анекдоты или недвусмысленные подробности о том, где и как протекла предыдущая ночь. В громадном большинстве случаев французенки-ма-

некены — женщины распушенные, мечтающие единственно о том, как бы попасть на содержание. К русским до сих пор они не привыкли и не понимают, зачем девушке из хорошей семьи идти в манекены. Так что самое лучшее — улыбаться на анекдоты, делать вид, что и сама живёшь, как все, и только скрывать. Иначе задразнят, заклюют.

Администрация же русских предпочитает за аккуратность в работе и в отношении к вещам. А то к концу коллекции платья вовсе изнашиваются. Их ведь и по вечерам нередко манекены таскают в театры, на балы.

Покупательницы, конечно, этих платьев не приобретают, разве что уж очень спешно и как раз впору.

Манекен, имеющий успех, попадает в журналы, его снимают чуть ли не в сотнях видов*. Иногда сам дом просит поехать на выставку, на бал, на скачки. Самых удачливых берут на ежегодный грандиозный бал мод в здании Большой Оперы*.

Характерной походке своей — слегка утомлённой, небрежной, с довольно крупными шагами и опущенным телом — научаются постепенно, перенимают друг у друга. Редко, но случается, что какое-нибудь доброе существо покажет новенькой необходимые приёмы.

Самая утомительная часть дня — утро. Примерки в мастерской, где приходится выстаивать часами, не шелохнувшись. Особенно тяжело перед новой коллекцией. Буквально опухают ноги*. Манекен — не человек, его служба — «не положение», все в доме важнее его.

Конечно, выпадают и свободные часы. Редко кто читает — чаще всего время проходит в болтовне или шитье белья.

Самые большие коллекции — зимняя, в августе, и январская, где показывают уже летние вещи.

Манекену подбирают платья по типу: есть спортивные, вечерние, городские, для верхних вещей и т. д. Хотя всё-таки в коллекции каждой есть два-три вещи на все случаи.

Первый просмотр мучителен. По утрам — комиссионеры, торговцы из-за границы, люди с грубыми шуточками. Иногда приходится демонстрировать по несколько раз одну и ту же вещь — утренние часы в течение целого года отводятся главным образом им.

После завтрака и нового «наведения красоты» — дамы-покупательницы. В больших домах бывают по 10–15 манекенов. Там они спокойно обходят салон, и, пока показывается первая, последняя переодевается. Иногда приходится пропустить всю коллекцию дважды, трижды. Там, где девушек всего три-четыре, на переодевание выходит всего две-три минуты, и это — при туго пригнанных, сложных туалетах. Туфли остаются всё те же, шелковые, казённые. Одевается всё на минимальное количество белья: панталоны, корсет.

С одной русской барышней произошёл конфуз. Второпях надела газовое платье без чехла и в таком виде выпорхнула в салон.

В большинстве случаев покупательницы даже не замечают манекенов, занятые нарядами. Редко кто скажет:

— Как вам это идёт...

ЧУЖАЯ ТРАГЕДИЯ

Был, однако, случай, когда заказчица оказалась милой внимательной женщиной. Она дважды просмотрела коллекцию и остановилась на тёмном, закрытом и очень строгом костюме. Да он и шёл к её тихому, задумчивому виду. Дама говорила, что спешит, и купила всё прямо с манекена. Перед тем, как уходить, она спросила девушку, — как её зовут.

— Ольга...

— Так вот какое у вас милое имя... Вас редко о нём спрашивают?.. Ах, я это очень понимаю, это так страшно — перестать существовать для других. Жить и знать, что ты для человека — вещь или меньше вещи... Нечто вовсе ненужное.

Барышня-манекен подумала:

— Лирическая дама!

И заподозрила, не была ли и сама её покупательница в иные времена в том же положении, и потом, благодаря счастливому случаю, не попала ли в свет или полусвет?

Однако вид у дамы был спокойный, человека, привыкшего к достатку, человека воспитанного.

Потом промелькнуло в газетах известие, что в Сену бросилась неизвестная женщина, молодая и хорошо одетая. Но кто же особенно вчитывается в газеты?

Зато когда дома, в воскресенье, девушка заглянула в журнал «Детектив»*, она нашла там снимок утопленницы. Никто не знал её происхождения. Предполагали, что она приехала из провинции. Доискались причины самоубийства.

Лицо покойницы было изуродовано. Но костюм был знакомый, тот, что вышел из коллекции манекена с милым русским именем.

Вспомнились, в новом свете встали слова:

— Это так страшно — перестать существовать для других. Жить и знать, что ты для человека вещь... меньше вещи...

КЕЛЬНЕРШИ

За пятым столом — французы. К ним подходит высокая женщина с тёмным и тяжёлым узлом волос. Принимает заказ.

- Кобеляку, пожалуйста.
- Кулебяку?
- Ну да, я же и говорю, кубелянку.

Засмеяться нельзя — посетитель может обидеться. Французы в большинстве случаев хорошие клиенты. Едят со вкусом, похваливают и проявляют внимание, памятуя, что подавальщица может оказаться *princesse*⁵.

Кстати, слово «подавальщица» не принимается. Сами дамы говорят — кельнерша.

Последнее время префектура требует обозначения профессии в карт д'идантите⁶. Для француженки, занимающейся этим ремеслом, существует обозначение «*fille de salle*»⁷. Русским ставят «*serveuse*»⁸. Не знаю, насколько точно объяснение, но говорят, будто слово это возникло во времена французской революции и применялось к работающим аристократкам, в отличие от служанок — «*servante*»⁹.

- Барышня, бордж.

Русские рестораны имеют иностранных завсегдатаев или, точнее, имели. Падение фунта* заставило англичан кинуться домой, меньше путешествуют немцы, реже кутят *à la russe*¹⁰ французы, да и свои ограничиваются необходимым. Конечно, и кельнерши от этого страдают. Случается, что две дамы обслуживают один стол — и для скорости и удобства в работе, и ради заработка — а то ведь бывает такой неуютный стол, что никто за него не садится.

— Мы это называем: «работать на корешки», — смеётся хорошенькая блондинка, бывшая драматическая артистка.

Её прерывают:

— А иногда делаем общую кружку, если видим, что чьи-нибудь столы плохо работают. У нас, к счастью, дружно, мы уж по пять лет вместе работаем.

ПОДЗЕМНЫЙ РАЙ

— Вам покажется, что мы очень хвастаемся. Но, право же, мы в лучших условиях, чем во всех других ресторанах.

Я верю. Я слышала вздохи зависти и мечты о службе в этом подвале без Кремлей и троек. Здесь можно безбоязненно уехать в отпуск или заболеть и знать, что тебя заменят и снова примут по возвращении. Даже и для за-

⁵ Княгиня, княжна.

⁶ Carte d'identité — удостоверение личности.

⁷ Кельнерша.

⁸ Официантка.

⁹ Служанка.

¹⁰ На русский лад.

мены здесь существует постоянный человек. Привилось французское словечко — её зовут «наша extra».

— Пожалуйста, напишите, что самые лучшие клиенты — простые люди, рабочие или извозчики.

На мой удивлённый взгляд высокая дама пояснила:

— Шофёры сами в нашем положении, работают на чаевых, ну и нас понимают, не пристают, попросту поедят и уйдут. Да у меня у самой муж извозчиком.

Варвара Павловна сказала:

— Зато иной раз и обиду проглотить. Как-то одна дама вслух на весь ресторан удивлялась: «Ах, подумайте, прислуга выучилась по-французски!...».

— Мы здесь не делаем чёрной работы, как во многих других местах. У нас помощник — видите там — Грозный Толечка. Держит нас в страхе и трепете. А шеф — нервный, вспыльчивый, но никогда не сквернословит... И, знаете, мы ведь закрываемся, как французский ресторан — у нас и среди дня есть свободные часы, и полтора дня в неделю выходных. А когда дежурить — тут и за буфетом надо последить. Чистишь селёдку и ругаешься. Заработки в нашем деле непостоянные — а всё-таки вокруг нашего дела, считая с кондитерской, тридцать пять интеллигентов сыты.

— Приходим часам к десяти, заготавливаем столы к завтраку. Сами едим до клиентов. Конечно, за день утомишься — всё на ногах. Но это и лучше. У нас не только не требуется, а прямо воспрещено пить, подсаживаться к столу. Слава Богу! Так что если кто и предложит рюмку — откажешься: «Мы не пьём. У нас воспрещено...». А знаете, какой это бич в нашем ремесле.

Я вспомнила одну милую и несчастную женщину. Муж её был тяжело болен. Ребенок — в школе. Надо было прокормить всех. Она работала в ресторане, где приходилось мыть пол, подметать, заготавливать салаты, иногда и посуду вытирать. Беготня, напряжённое внимание к тому, чтобы не перепутать заказа («Мне кровавый бифштекс, а для мадам к телятине не картошки, а зелёного горошку»). Тревога за своих. Отекающие ноги. И за ужином — закрывали поздно — подвыпившая компания: «Пригубите водочки. Красненького».

— И вы пили? — спросила я.

Она ответила с такой простотой, что мне стало стыдно за свой вопрос:

— Конечно, пила. Они-то хоть закусывают, а если зашумит в голове, так спать пойдут. А я должна держаться, а наглоталась всякой мешанины. Как тарелки ношу — сама не знаю. Но разве откажешь? Не поладишь с хозяевами, не угодишь посетителям — пожалуйста расчёт. Предупреждения не полагается. А что бы случилось с моими, если бы я без работы осталась?

Это не были жалобы. Больше того, она жалела одиноких, уставших от работы людей, которые просто рады увидеть русскую, поболтать с нею,

а иногда и угощают-то для того, чтобы ей не думалось, будто её за ровню не считают. Как бы то ни было, создался быт, и люди ему подчиняются. И все мы это видим, знаем и замалчиваем. А сколько тут бывает напускного молодчества или глубокой усталости и пресловутого желания «забыться».

Нередко иная забота тревожит кельнершу. Проходят годы, убывают силы. Когда-нибудь и хозяева предпочтут человека помоложе, порасторопнее. Это ремесло без будущего.

Все эти мои печальные воспоминания прервал смех. Я прислушалась. Рассказывали, что зашёл недавно пообедать один известный наш киноактёр. Поел, выпил и стал хвалить дам-работниц. А ему говорят:

— Что мы! Посмотрите, какие умницы управляют у нас в кондитерской. Совсем юные — детский сад.

Артист полюбопытствовал посмотреть. Входит, остановился на пороге. Смотрит, глаза трёт, опять смотрит. Да что такое? Не от нескольких рюмок, в самом деле: не то в глазах двоится, не то два подростка в одну полную даму сливаются...

А дело-то было простое: все и забыли, что молодёжь в тот день выходная, — вместо них двух действительно одна дама сидела...

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Кто не помнит множества лопнувших русских столовых*.

Была я однажды поблизости от вокзала Монпарнас. Гостей было человек шесть. А когда подошли ещё двое, непривычная, перепуганная хозяйка кинулась вызывать по телефону мужа — на подмогу. Около кухни происходило замешательство.

— Нет у меня филе, русским языком говорю, — гудел шеф.

— Кончилось филе, — говорила кельнерша посетителям.

— Дайте тогда телячью отбивную.

Снова происходила тихая схватка у кухонного окошка. Кончилось тем, что клиенты, обругав кельнершу, ушли. Ей же попало от хозяйки. Её же зудил повар.

Кормили фантастически. Я долго ждала гурьевскую кашу. Наконец, как говорят французы, я «нашлась в присутствии» тарелки странного предмета из кукурузной муки, с компотом и шикарно зажжённой, извивающейся по тарелке печальной спичкой.

Кельнершу тем временем успели на всякий случай послать за мясом. Из разговоров я поняла, что тем же утром она ездила покупать бумагу для столов. Ясно, что всё это не входило в её прямые обязанности. Но откажись — найдётся другая, которая ещё и окна помое, салфетки выгладит. Кто-то всегда найдётся ещё более нуждающийся. Поэтому и кажется мно-

гим невозможным профессиональное объединение. Да и как говорить об очереди на место, если хозяева ресторана хотят именно Марью Михайловну, а не Анну Петровну?

Люди «оттуда»

— Бывают ли у вас советские служащие? — спрашивала я у целого ряда барышень.

— Как их наверняка узнаешь? Похоже, что бывают. Так — чувствуется. Очень корректно себя ведут, между собою мало и сдержанно разговаривают. Осторожность в них какая-то.

И наконец в одном ресторане мне рассказали почти мелодраматическую, мучительную сценку. Я обещала не называть ни одного имени.

Подавала очень молодая и строгая девушка. Ужинала мужская компания, жаловались, что какая-то Верочка надула, не пришла. Вскоре стало понятно из разговоров, что эти люди — оттуда. Точнее, все это были местные советские служащие, а из России был всего один. Известный поэт, ныне покойный*.

Как ни старалась барышня держаться подальше, не слушать, — долетали обрывки слов. А в ней — самые сложные переживания. Сильнее всего — одно: не моё дело. Я их не знаю. Они для меня, как и все остальные — чужие, прохожие.

Она заметила, что поэт поглядывает на неё. И вдруг её наполнил непонятный ужас. Такой ужас, что хоть беги! Ничего от политических понятий в нём не было — но ей просто стало страшно. Так несколько секунд два человека смотрели друг другу в глаза.

Когда все уходили, поэт отстал на шаг, обернулся и шёпотом спросил:

— Презираешь, девушка?

И она тоже шёпотом, искренне, чуть не со слезами ответила:

— Нет. Мне вас жаль. Мне страшно за вас.

В том же году поэт трагически скончался.

БЕЗ РЕМЕСЛА

— Напишите обо мне, — сказала Наталья Алексеевна и засмеялась. — Или о моей соседке, которая береты вяжет. В прошлом году платили по четыре с полтиной, а в этом по полтора франка за штуку. Техника у неё выработалась изумительная. Вяжет не глядя, исполняет шапку в три четверти часа. Откиньте на отдых или даже просто на то, чтобы подняться и намотать клубок, — скажем, в среднем пятнадцать минут на час. Вот и считайте,

что ей дадут девять рабочих часов... Живи, как хочешь... А приходящая прислуга получает в час четыре с половиной...

На полу лежала выкройка чёрного бархатного кота. Приятельница моя зашивала уже набитого медведя. Бледно-жёлтый, довольно серьёзный, он удивил меня высунутым и подвижным кумачовым языком.

— А почему он язык показывает?

— Это — самое важное. Это моя модель. Если примут — удача. Тогда обеспечен заказ. Вот ещё слона крою, да хобот никак не держится. — Она отвела руку с медведем, покрутила его и решила подкрепить уютную складочку на ухе.

Скульптор и философ, моя приятельница, трогательно хлопотала над своим плюшевым созданием. К сожалению, медведь пропал вместе с прочим, чужим и собственным имуществом прогоревшего предприятия, куда она отнесла его на продажу.

Она же ходит гулять три часа в день с французским ребёнком. Кстати, как иногда хотелось бы, чтобы безработные русские женщины могли заниматься не с иностранными, а именно с русскими детьми — хотя бы для того, чтобы те изучили родной язык.

Иногда кажется, что все мелочи, все игрушки, автомобильные фетиши, платочки, цветы — всё, что носит название *articles des Paris*¹¹, — изготавливается русскими руками.

Наибольшую изворотливость проявляют в этом как раз женщины без определённого ремесла. Семья, недостаток средств или плохое здоровье помешали им изучить какую-нибудь отдельную область. Часть — учащиеся, которые дорожат своей свободой и работают дома, по ночам. Самое трудное — это даже не работа, а её сбыт. Тут вопрос моды является то спасительным, то злым роком.

Куклы*

— Есть и у меня собственный опыт: одевание кукол, первый мой парижский заработок. Через даму, уже связанную с фабрикой, мне удалось достать тряпичные туловища, одежду, головы. На нашей обязанности лежало: надеть кофты и брюки чёрным Пьеро. Обуть их — самое долгое и неприятное, потому что вязка чулочка не закреплена, распускается, а туфли то велики, то малы. Каждый приходится пригонять. Затем обтягиваются и обшиваются блестящим кантом пуговицы. Их три на каждую куклу. Пришиваются головы, пышные воротники из ламе. На лбу, из-под шапочки, вылезают локоны из серебряного жгута.

¹¹ Парижские изделия (Примеч. автора).

Готовых кукол — в громоздкие коробки. Требовалась немалая настойчивость, чтобы попасть с этой ношей в автобус. Метро поблизости не было. Меня однажды чуть не выставили, потому что я ухитрилась три раза подряд въехать — в кондуктора, в старичка с газетой и в окно.

Выгоняли мы — в лучшем случае и при условии безостановочной работы — франков по двадцати на сестру.

Куклы вышли из моды. Все одевавшицы, набивальщицы, кукольные парикмахерши стали искать нового применения своих сил.

А какие были искусницы! Одна девушка изображала головки в ноготь величиною — на подвязки. Тут были и апаши*, и казак с чернокозой дивчиной, и светская красавица. Волосы вышивались шёлком. Как она ухитрялась нарисовать, придать выражение этим микроскопическим тряпичным мордочкам — уму непостижимо.

КРУЖЕВА

Кто пустил в ход крашенные кружева? Не знаю. Знаю только, что это стало русским достоянием.

Рисунок кружева покрывался сверху особой краской, сверху его иногда засыпали мелкими блёстками. Краску пропускали через бумажную воронку, вроде того, как делают для сахарных узоров на торте.

Одна молодая и неудачливая женщина неукротимой энергии и изобретательности решила достигнуть божков в какой-нибудь крупной модной мастерской и получить заказ. Для этого следовало иметь коллекцию — а денег на закупки, конечно, не было. В конце концов она кого-то нашла, рискнувшего войти с нею в компанию и купившего кружева.

Дама носила титулованное имя, открывавшее многие двери. И добилась-таки, что один из её образцов пришёлся по вкусу «самому» Полю Пуарэ*!

Моды капризны, недолговечны.

Эта же дама делала переводы на английский язык, а затем собрала и обучила женский струнный оркестр...

ПОШУАР*

Кажется, дольше всего продержались разрисованные платочки, шали, шарфы. Чуть ли не в каждом беженском семействе кто-нибудь да занимался этим делом*. Но и здесь приходилось следить за малейшими изменениями. Карманные платочки, игривые рисуночки с кармашком для пуховки*.

Круглые пудреницы на вздержке* — чего только не было! Когда Линдберг* перелетел океан, его портрет немедленно появился на шёлковых платках. Целые коллекции с тропическими растениями, слонами, тиграми и экзотическими женщинами заготавливались для Колониальной выставки*. Эти почти пропали — пока велись подготовительные постройки и выставка была закончена и открыта, волна моды на пошуар отхлынула.

Интересно, что мода эта была настолько длительна, что отразила общую перемену в декоративном искусстве.

Знакомая моя, сначала бывшая работницей в чужом ателье, а затем начавшая своё дело, имела большой успех. Она хорошо рисовала. Муж её, не одарённый в этой области искусства, помогал в распространении, закупке материалов и прочих заботах. Но сюжетный рисунок стал исчезать. Его заменили геометрические фигуры — модерн*. Муж получил повышение и с большим воодушевлением вычерчивал голубые конусы, пунцовые трапеции.

Хорошо, когда налаживался вопрос сбыта. Но не так-то просто получить заказ на магазин. Существует целая группа посредников и посредниц — «пласье»*. С чемоданом образцов, с тетрадкой адресов они разъезжают по Парижу и его окрестностям. Необходимо сбыть товар — живут они исключительно на проценты с проданного.

Есть районы, из-за которых происходит борьба. Есть кафе, где собираются пласье со всего города. Это нечто вроде биржи. Шепчут адреса, выпытывают — на что будет спрос через неделю? Неопытные застенчивые женщины попадают впросак. Вдруг говорят им:

— У вас пошуар? Что вы, давно упал на тридцать процентов!

И она спрашивает у соседей, а те подтверждают. Она отдаёт товар за гроши, теряет свои проценты, ссорится с клиентом.

Обитательница богатого отеля, путешествующая иностранка не представляет себе, сколько просьб и унижений вынесла та, которая ухитрилась проникнуть в её номер с товаром или выставила его в витрине при входе в гостиницу. Конечно, даром это не делается. Надо заинтересовать швейцара, администрацию, прислугу.

Одна неунывающая россиянка решила проникнуть в номера богатых дам. Но как узнаешь их имена, время, когда они бывают дома? Она рассказывает:

— Нарядилась я в фальшивого ягуара и зашла в кафе при Лютеции*. Дело происходило утром. Подошёл сам метрдотель. Заказала я чаю, сэндвич. Он передо мною рассыпается... Ну, а как сказала я, что хотела бы повидать клиенток, — надо было видеть, как у него изменилась физиономия. А расплачивалась я уже с гарсоном, но какое у того было выражение лица — не знаю, потому что он мне сдачу через плечо подавал.

Пол

Но самым, пожалуй, неожиданным делом занималась моя подруга. Мы не виделись около месяца. Однажды я встретила её на улице с громадным плоским предметом, завернутым в бумагу. Мы обе спешили. Я крикнула:

— Вы что, аспидными досками* торгуете?

Она махнула свободной рукой и на ходу ответила:

— Нет, я по части пола.

Я недоумевала и тревожилась. Наконец выяснила, что она действительно делает... пол. Да не как-нибудь, а на экспорт в Англию.

Ремесло показалось мне странным. Но подруга объяснила. Она работает у известного русского художника А*. Он — мозаист, восстановитель древнейшей мозаичной техники. А техника хлопотливая. На листе, по узору надо складывать некрупные камушки — привозные из Бельгии. Всё это склеивается, застывает. Квадратный метр везут в ателье. Его опрокидывают, чтобы удостовериться, что камни не выпадают. Затем доски (с наклеенным номером) складывают одна на другую и отправляют в Лондон. Это будет пол в банке. Доску опрокинут, из отдельных номерованных квадратов составится рисунок...

Подруга моя говорит:

— Я скоро так наловчусь, что потом пойду мостовую булыжником мостить. Подумайте, какая удача!

Красота

Париж — город контрастов, блеска и фабричных труб. Однако и на улице, и в мастерской редко увидишь серое женское лицо. Самая бедная француженка непременно подмажется, а приходящая служанка, обсуждая свой бюджет, высчитывала, что один поход к парикмахеру обходится ей свыше тридцати франков «avec la friction»¹².

В первые годы эмиграции многие русские изучали массаж, косметiku и парикмахерское дело. Курсы дороги. Надо считать около трёх тысяч на обучение, да потерянное время — от трёх до шести месяцев, в продолжение которых надо на что-то жить. Но есть и другие трудности. Диплом отнюдь не даёт уверенности в том, что найдётся работа. Для парикмахерской надо иметь звание и право на поступление на службу — а его не получишь

¹² С растиранием.

без удостоверения от работодателя. Получается заколдованный круг. Многие махнули рукой и переменили ремесло.

Первый этап — хождение по домам. Заработок неровный, неверный, работа утомительная. Не говорю уже о массаже, который требует большого здоровья, — да и крепким женщинам после сезона на курорте и общего массажа случалось наживать болезнь сердца. Но зато постепенно создаётся клиентура, и если потом удастся начать своё дело, какие-то первые месяцы можно продержаться уже знакомыми дамами. Путешествует парикмахерша с чемоданчиком, торгует косметикой. В большинстве случаев — продуктами той школы, где она обучалась. На это и рассчитывают большие дома. Ученица сама по себе интересуется их мало. Приходится самой выпрашивать, добиваться звания. Но зато в дальнейшей своей практике женщина поневоле обратится к своему же институту красоты. Составов она не знает, но помнит, что при жирной коже надо употреблять крем № 25, при сухой — № 32. Институт даёт ей проценты с проданного.

ПАРИКМАХЕРШИ

Дама с высшим образованием, а ныне владелица парикмахерской в Пасси*, открыла дверь и сказала десятилетней дочери:

— Кажется, рис горит.

Маленькая хозяйка ответила:

— Давно горит, да я не знаю, что с ним делать.

Парикмахерская прилегает к квартире. Сейчас тихо — обеденный перерыв. Но всё-таки забегают какая-то особа и просит принять её сегодня вечером. Над нами нависает аппарат Eugène*. Вещь довольно жуткая. Когда женщина прикреплена к нему и неподвижно ожидает, пока нужное количество пара пройдёт через сашетку* и увековечит её кудри, она напоминает не то жертву инквизиции, не то буддийское божество.

Вечная завивка только начинала входить в употребление, когда О. И. изучала своё ремесло. Предварительно же прошла обычный курс. Учатся на живых людях. Какие-нибудь прислуги после операций «позируют». Терпение надо немалое. Ученица причёсывает — затем другая размачивает, сушит и снова завивает. После нескольких месяцев случается, что модель непригодна: пересушены волосы, ломаются, секутся. Для дипломированных парикмахеров существует высшая академия — там усовершенствуется техника, вырабатываются моды.

Особое искусство — окрашивание волос. Я долго думала: удобно ли спросить, что такое пресловутое *heppé*¹³. Оказалось, что это растительная

¹³ Хна.

краска, первоначально рыжая, а впоследствии разработанная чуть ли не в тридцать оттенков. Она прокрашивает волос насквозь. Возобновлять её надо ежемесячно — за этот срок волос отрастает на сантиметр, и показывается наружу неокрашенная часть корня.

— Никаких точных правил ни для чего нет. Надо самой следить и угадывать, — говорит хозяйка. — Так же и для индефризабля¹⁴. Иной раз пробуешь сначала одну прядь, особенно если волосы крашенные. Это вроде пи-рога — надо угадать и вынуть вовремя... Клиентура у меня главным образом буржуазная французская и частью русская. По моему району следовало бы обставить дело гораздо наряднее. Пока что приходится отсутствие эстетики заменять чистотою и добросовестностью. Я всё перевела на электричество. Гораздо чище — а то ведь по вечерам приходится ещё и убирать все эти зеркала, флаконы, никель. Чужого человека и не пустишь. А о расходе на правку уж и не говорю. Рабочий-то день выходит долгий, без всяких норм. А там и в праздник забежит по соседству дама — не откажешь.

Можете себе представить, я опять на курсы записалась! Только не по волосам, а по уходу за красотой — по прикладной химии. Езжу в Народный Университет*. Пока я в гимназии была, ещё и радий не был открыт* — совсем новую науку изучаю. Интересно, только уж очень мало времени.

Испуганное детское лицо показалось в дверях:

— Мама, я этот рис пересыпала... Наши часы не отстают? Как бы мне в лицей не опоздать...

ПОБЕДИТЕЛИ

— Американской системы мы избегаем, — сказала красивая женщина с молодым лицом и седыми волосами. — Не в рекламе дело, а в добром имени.

Когда-то ездила я в Париж и бегала сама по всяким инститю-де-боте¹⁵. А когда пришлось в эмиграции самой выбирать ремесло — об этом вспомнила. Училась, приглядывалась, пробовала на себе. Но мне никак не хотелось ограничиться беганьем по чужим домам. Кроме того, неприятно работать с чужими продуктами. Что-то втираешь — а разве можешь поручиться за результат? Тут в Париже такие фирмы, как Буржуа* и Лескандрие, продают без своей марки кому угодно. Многие дома делают потом свою упаковку и фирму, продают вдвое дороже. Но ведь это не решение вопроса.

Конечно то, что у меня сегодня, создано постепенно. Сейчас у меня не только уход за красотой, но и собственные продукты. Тут уж я знаю, что всё

¹⁴ Indéfrisable — перманент (завивка).

¹⁵ Institut de beauté — институт красоты; косметический кабинет.

это — на съедобных маслах, а краски те самые, которые употребляет «Маркиз де Севинье»^{*} для конфет и тортов. Это уж дело моего дядюшки. Сколько было трудов, опытов, разочарований! Первый руж для губ¹⁶ оставлял жир на губах, а краски никакой. Это наиболее трудная вещь. А конкуренция наша — лучшие французские фирмы. Мы налаживали экспорт, а здешний кабинет должен был служить главным образом для демонстрации. Но сейчас многие страны запретили ввоз предметов роскоши или обложили их непосильными налогами. Так что приходится опять изменить метод и увеличить работу с дамами. Во всяком деле требуется гибкость.

— А разве на дамах кризис не отразился?

— Нет. Конечно, жмутся немного. Но какая же француженка, и даже молодая, обойдётся без *soins des beauté*¹⁷? Она хоть гадость какую-нибудь, но втирать непременно будет. Пожалуй, это и лучше. Всё-таки парижская гарь меньше разрушает запудренное лицо. А русских клиенток у меня, к сожалению, мало.

Я спросила о новых методах ухода за кожей.

Паровые ванны, бывшие некогда в таком фаворе, вышли из обращения. Вредным для сосудов считается накладывание горячей салфетки, сменяемое куском льда. Не применяется и введение под кожу парафина, то, что когда-то называлось эмалью. Красота рассматривается как проявление здоровья, и уход за ней очень часто ведётся под наблюдением врача.

Новый нос знаменитой Сесиль Сорель^{*} достаточно заставил о себе говорить. Эстетическая хирургия всё более распространяется. Операция производится под местной анестезией. Кожу отворачивают, подтягивают мускулы, вынимают излишние жиры на веке. Край кожи подрезается, пригоняется вровень с другими. Шов совершенно незаметен.

Существовала в Париже чрезвычайно дорогая и роскошная лечебница. Там приходилось жить подолгу, на диете, на строгом режиме. Одна русская дама служила моделью. Ей «омолаживали» половину лица, другая же оставалась без изменения. Тот же опыт производился и над телом.

Дама, с которой я беседую, придерживается другой системы. Она показывает своим клиенткам основные приёмы, чтобы они и дома могли не запускать себя. Это и обходится им гораздо дешевле — франков сорок в месяц, особенно потому, что она советует не чистить лица лосьонами, а просто мыть с мылом.

— Нельзя же стирать белую блузку раз в месяц — так и кожу вредно запускать. Разница получается очень большая. Да послушайте, ведь если сапог почистить, то и он совсем иначе заблестит. Я начинаю сеанс чисткой.

¹⁶ Rouge à lèvres — губная помада.

¹⁷ Косметика.

Это берёт минут двадцать. Затем делаю массаж для питания мускулов. После него — нечто вроде душа, пульверизация с озонированным воздухом. Потом уже — грим. Приходится искать каждому лицу его стиль и краски. Иногда убеждаешь даму не выпалывать бровей — такая гадость, особенно если потом наводится рисунок, не соответствующий мускулам. Одна богатая женщина принесла остатки красок и просит сделать ей точно такие же. Я ей говорю, что цвета не красивые. А она отвечает:

— Да, но на другой день они выглядят прекрасно!

Подумайте — с вечера мажется, спит, а утром и не моется...

— А капризничают ваши барыни?

— Нет, француженки очень корректны и милы. Некоторые болтушки ужасные, все свои тайны выложат. А другие просто дремлют в кресле — это ведь очень успокаивает нервы.

В это время из салона в гостиную кто-то проходит, и за синей портьерой продолжают начатый разговор:

— Так я вам непременно позвоню, чтобы выяснить, хорош ли утренний грим. Как я вам благодарна, как я рада! Никакого вазелина я теперь на ночь не употребляю. Лицо не жирное. Муж в полном восторге.

Шаги удаляются. Ксения Николаевна с умной улыбкой говорит:

— Ну, кто бы думал, что русская женщина будет в Париже создавать законы красоты, да ещё восстанавливать семейное счастье...

(Начало. Окончание в следующем номере альманаха)

КОММЕНТАРИИ

Все очерки публиковались в газете «Возрождение» (Париж). Под общим заглавием «Русская женщина в Париже» было напечатано семь очерков, снабжённых также своими заголовками и порядковыми номерами. Первый и второй назывались одинаково — «Портнихи», далее следовали: «3. Манекены», «4. Кельнерши», «5. Без ремесла», «6. Красота», «7. Фигурантки». Последующие очерки («Русская женщина в кино» и др.) уже не имели общего заголовка. В настоящей публикации общее заглавие «Русская женщина в Париже» распространено составителем на все очерки; для удобства восприятия порядковые номера сняты, часть вторая очерка «Портнихи» отделена от первой звёздочками. Пунктуация и орфография приведены в соответствие с современными нормами, опечатки исправлены.

Все очерки публикуются в России впервые.

Портнихи

С. 36. *Портнихи* — впервые к теме женских профессий в эмиграции обратилась Н. Тэффи, создав образы русских портних в Париже в рассказах, впоследствии вошедших в книгу «Городок» (1927); первое упоминание о русских портнихах встречается в рассказе «Городок (Хроника)», давшем название книге: «Женщины шили друг другу платья и делали шляпки /.../ Из них вышли недурные /.../ вышивальщицы для наших увруаров» // Тэффи Н. Собр. соч.: в 5 т. М., 2008. Т. 3. С. 187, 188; *увруары* (от франц. l'ouvrière — работница) — артели, дававшие работу на дом; см. также рассказы «Анна Степановна», «Гедда Габлер», «Дэзи и я» и др.; впоследствии во многих произведениях эмигрантской литературы появились героини, занимающиеся шитьём, вязанием, вышиванием одежды и аксессуаров, изготовлением кукол и одежды для них, абажуров, раскраской тканей, низанием бус и т. п., см., напр., «Эмигрантский уезд» Саши Чёрного («Парижские частушки», «Деловая ода в честь русской эмигрантки», «Гостиница в Пасси (№ 13)»), «Тело» Е. Бакуниной, «Последние и первые» и «Биянкурские праздники» Н. Берберовой; кроме того, многие женщины-литераторы вынуждены были для заработка прибегать к этим занятиям, что нашло отражение в дневниках и мемуаристике, см., напр.: *Берберова Н. Н.* Курсив мой. М., 1996. С. 259, 261; *Кнорринг И. Н.* Повесть из собственной жизни. Дневник. Т. 1. М., 2009. С. 495, 497, 503, 505, 509, 530, 532, 534, 542, 544; Т. 2. М., 2013. С. 16, 17, 18, 25, 31, 39, 56, 60, 63, 108, 152, 161, 195, 231, 403.

«Пражане» — актёры Пражской группы, в 1920-х неоднократно гастролировавшей в Париже; см. в: *Мнухин Л., Авриль М., Лосская В.* Российское зарубежье во Франции 1919–2000. М., 2008 (по указат.); группа образовалась в 1921 из т. наз. «Качаловской группы», в которую входили актёры Московского Художественного театра, в годы Гражданской войны отправившиеся в Киев «подкормиться» и оказавшиеся отрезанными от Москвы из-за военных действий; группа гастролировала по Югу России и Кавказу, в Тифлисе получила предложение от одной из итальянских киностудий снять фильм с их участием — киностудия готова была оплатить морское путешествие из России; в 1919 «Качаловская группа» отплыла из Тифлиса в Константинополь, откуда направилась в Софию, где оставалась до 1921; в 1921 во время гастролей в Берлине Качалов и некоторые из членов группы получили от советского правительства предложение вернуться на родину, часть группы приняла предложение, другая часть, в которую вошли те, кто предложения не получил или решил не возвращаться в советскую Россию, переехала в Прагу и получила название «Пражской группы МХТ»; в состав группы вошли В. М. Греч, М. Н. Германова, М. А. Крыжановская, Н. О. Массалитинов, П. А. Павлов и др.; с 1922 режиссерами группы выступали Германова и Массалитинов; в 1928 группа переехала в Париж, в 1935 распалась; подробнее см. в: *Германова М. Н.* Мой ларец с драгоценностями. Дневники. М., 2012 (препринт: *Германова М. Н.* Мой ларец // Диаспора: Новые материалы. Вып. 1. Париж; СПб., 2001. С. 31–94); отзывы о гастролях группы в Париже см., напр., в: *Кнорринг И. Н.* Указ. соч. С. 52, 53 (гастроли зимы 1927, спектакли «Вишнёвый сад» и «На дне»); «Напишите мне в альбом...». Беседы с Н. Б. Соллогуб в Бюсси-

ан-От. М., 2004. С. 33 (воспоминания дочери Б. Зайцева о гастролях группы в 1924).

Батик (от индонезийского — *ba* — хлопчатобумажная ткань, *tik* — капля) — ручная роспись ткани (чаще всего шёлка), при которой рисунок наносится на ткань несмываемыми красками особым способом: краска закрепляется в течение получаса, растекаясь по волокнам и образуя эффект размытости; на те участки, которые должны остаться неокрашенными, наносится специальный состав, не пропускающий краску, — этот процесс называется резервированием; для резервирования используются парафин, резиновый клей или некоторые смолы и лаки; роспись батик традиционно использовалась в Индии, Индонезии, древнем Шумере, Японии, Шри-Ланке; родиной батика считается о-в Ява; роспись по шёлку и другим тканям сделалась весьма распространённым занятием русских эмигрантов, открывавших в Париже в 1920-е — 1930-е годы многочисленные ателье; одним из самых известных было дело Лутовиновых, открытое бывшим морским офицером П. Н. Лутовиновым и его женой В. А. Лутовиновой; подробнее см. в: *Васильев А.* Красота в изгнании. Творчество русских эмигрантов первой волны: искусство и мода. Изд. 2-е, дополненное. СПб., 1999. С. 144–148; некоторые из литераторов младшего поколения также работали в подобных ателье или держали их, см., напр., воспоминания В. Яновского о работе в ателье Л. Проценко и В. Дряхлова, где изготавливались расписные шёлковые шарфы и галстуки, и о мастерской по раскраске материй, принадлежавшей поэту Д. Кнуту // *Яновский В. С.* Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 102, 105; ср. с утверждением самого Кнута: «За 13 лет эмигрантской жизни переменил много профессий (был чернорабочим, кухонным мужиком в ресторане, сортировальщиком объедков, инженером<->химиком (французский диплом), имел декоративную мастерскую, был директором предприятия по химической окраске кож и т. д., и т. д.)» // Меч. Варшава. 1934. № 3/4. С. 19 (цит. по: *Хазан В.* Довид Кнут: Судьба и творчество. Lyon: Université Jean-Moulin, 2000. С. 169).

Боте (от фарси *boteh*) — узор в виде языка пламени, груши, пучка листьев, соевой шишки, слезы или восточного («турецкого») огурца; обычно использовался для окраски кашемира и др. тканей, шалей из этих тканей, а также при изготовлении ковров.

Первые руки вовсе отпустила — «первыми руками» в модных домах назывались главные закройщицы.

Тип русской курсистки — курсистками называли слушательниц Высших женских курсов в императорской России; первые курсы были открыты в 1869 в Петербурге (Аларчинские) и в Москве (Лубянские); самыми известными в истории женского образования стали Бестужевские курсы в Петербурге (откр. в 1878) и курсы проф. В. И. Герье в Москве (откр. в 1872); курсы давали медицинское и педагогическое образование.

В тяжёлое экономическое время — имеется в виду мировой экономический кризис, начавшийся в США с обвального падения курса акций на Нью-Йоркской бирже 24 октября 1929 и продолжавшийся до 1933.

С американками работали ... лопнули! ... Исчезли дома ... с благотворительными учреждениями — американки составляли значительную часть постоянной

клиентуры больших русских модных домов «Поль Каре» (1919–1929, принадлежал леди Ольге Николаевне Эджертон, урожд. княжне Лобановой-Ростовской), «ТАО» (1921–1928, принадлежал княг. М. С. Трубецкой, княг. Л. П. Оболенской и М. М. Анненковой), «Ирфе» (1924–1931, принадлежал кн. Ф. Юсупову и кн. И. Юсуповой), «Итеб» (1922–1933, принадлежал Б. Буззард, урожд. бар. Е. Б. Гойнинген-Гюне), «Имеди» (1924–?, принадлежал А. И. Воронцовой-Дашковой, урожд. кн. Чавчавадзе), дома вышивки «Китмир» (1921–1928, принадлежал Великой Княгине Марии Павловне); сотрудницами в этих домах были, в основном, русские, и владельцы рассматривали помощь соотечественникам как свой долг; подробнее см. в: *Васильев А. Указ. соч.* (по указателю имен и названий); ср. несколько противоречащие этой версии воспоминания Даманской: «Русские дамы открывали модные дома, и парижские большие модные дома даже не удостаивали видеть в них конкурентов. Эти русские дома обычно скоро прогорали, да и клиентура была у них преимущественно русская» // *Даманская А. Ф. Указ. соч.* С. 236.

«*Кутюр*» (от франц. *couture* — шитьё, сшивание) — здесь: швейное дело, швейное ателье или дом мод (*maison de couture*).

Наиболее устойчивая область ... понимающая и работающая женщина — по свидетельству М. Горбовой, на которое ссылается А. Васильев, к 1931 до 42% русских парижанок были вовлечены в сферу модного производства: русские женщины «занимались шитьём, вязанием, шляпным делом, росписью по шёлку, изготовлением белья, работали художницами и приказчицами русских домов моды»; по воспоминаниям известной манекенщицы дома «О’Россен» и хозяйки шляпного дела И. С. Мищенко, в начале 1920-х в Париже «несколько русских аристократок открыли так называемые увуары /.../ Первыми, кто начал работать в эмиграции, были русские женщины. Они первыми взялись за дело — шитьё, живя в ужасных третьесортных отелях» // *Васильев А. Указ. соч.* С. 192, 139, 140; портнихами становились представительницы всех российских сословий (члены императорской фамилии, аристократки, жёны известных политических и общественных деятелей, женщины среднего класса, прислуга, бывшие работницы и крестьянки) и многих профессий (врачи, акушерки, педагоги, актрисы, литераторы и профессиональные портнихи); о популярности и востребованности «кутюра» в русском Париже свидетельствует обилие домов мод, ателье, артелей и мастерских — кроме перечисленных выше больших домов, Васильевым учтены: артель г-жи Гальпериной; маленький дом белья «Анек», принадлежавший А. И. Новиковой и м-м Каменской; дом моды княгини О. Урусовой; дом моды «Карис»; русский дом «Мод»; шляпное дело княг. М. И. Путятиной «Шапка»; модное дело Анны Сергеевой; портновское дело московской профессиональной портнихи Никитиной; дом «Мария Новицкая»; дом моды «Бери» (1924–1936, владелица княгиня А. Р. Романовская-Стрельнинская, жена Великого Князя Гавриила Константиновича); дом «Эльмис» (1928–1932), принадлежавший бывшей манекенщице Г. Баженовой; дом моды «Анели» Н. Н. Лазаревой; дома белья «Хитрово» и «Адлерберг»; шляпные мастерские Н. Е. Тржецяк и возлюбленной Маяковского Т. Яковлевой и др. // Там же. С. 139, 144, 194, 165, 196–197, 195–196, 207–211, 284–293, 212–213, 197–199, 143; к указанным Васильевым

заведениям можно добавить упоминаемые в дневнике И. Кнорринг мастерскую вышивки по коже г-жи Галаниной; швейную мастерскую модного платья, которой заведовала Е. Ю. Демидова; кукольную мастерскую супругов Н. А. и Н. И. Капрановых; ателье женской одежды супругов Б. К. и Н. С. Краевичей; мастерскую по вышивке одежды Моравских; мастерскую художественной вышивки г-жи Стариковой; кукольную мастерскую «Фавор» Е. И. Фаусек (*Кнорринг И. Н.* Указ. соч. Аннотированный указатель имён).

С мужчиной — судя по контексту, автор воспринимает мужчин в русском «куртюре» Парижа как явление исключительное, что не вполне соответствовало действительности: наряду с т. наз. семейными предприятиями («Ирфе»» «Адлерберг» и др.) в Париже существовал ряд модных домов, ателье и мастерских, владельцами которых были мужчины («Анар», ателье П. Питоева, ателье Я. Мятлина и др.); кроме того, мужчины нередко были администраторами и/или директорами принадлежавших женщинам заведений или их филиалов (барон Герст — администратор «Китмира», Ю. Л. Дондуков-Изъеденов — руководитель отделения дома «Мод» гр. Орловой-Давыдовой), бухгалтерами (В. С. Хитрово заведовал бухгалтерией в доме белья своей жены О. А. Хитрово), художниками (дом «Эли» — художник Асланов, дом «Итеб» — художник бар. Г. Гойнинген-Гюне, брат владелицы дома Бетти Буззард, урожд. бар. Е. Б. Гойнинген-Гюне); в доме «Ирфе» служил родной брат И. Юсуповой кн. Н. А. Романов, организационными вопросами занимались супруги М. и Н. Калашниковы, а управление светскими связями было поручено чилийскому маркизу Жоржу де Куэвасу.

С. 37. Иные дамы потеряли привычку платить — во многих домах клиентуре предоставлялся кредит, однако с началом кризиса владельцы были вынуждены просить клиенток оплачивать заказы по получении, что нередко вызывало недовольство и отказ, поскольку, по воспоминаниям Ф. Юсупова, дамы к этому «не привыкли»; нелёгкая задача получения денег была поручена дворецкому Юсуповых англичанину Булю, который в случае отказа оплатить счёт «становился на колени со счётом в руке и простодушно молил: “Фирма гибнет, помогите батюшке-князю!”» // *Youssoupoff F. Mémoires*. Paris, 1990. P. 345 (рус. изд.: *Юсупов Ф. Ф. (князь). Мемуары*: в двух книгах. М., 1998; *Юсупов Ф. Ф. Мемуары*. М., 2011; цит. по Интернет-версии рус. изд. Гл. 13. 1931).

Сильфиды (от греч. *silphe* — моль, мотылёк) — в переносном смысле слова так называли женщин с изящной стройной фигурой.

Даже и в мирное время ... спрос на русских мастеров — о влиянии русской культуры на французскую моду и о русских мастерах во французских модных домах в первые десятилетия двадцатого века см. в: *Васильев А.* Указ. соч. С. 9–35.

Прэнтан — престижный универмаг в Париже.

Дочь богатых москвичей ... подушки стиля модерн — одним из самых занимательных представляется вопрос о прототипах героинь очерков; некоторые из имеющихся в тексте деталей позволяют предположить, что, опираясь на встречи и беседы с реальными людьми, Городецкая не столько воссоздаёт их действительный облик и жизненную историю, сколько создаёт некий обобщённый типический об-

раз, тип русской парижской портнихи и/или хозяйки модного дома, контаминируя достаточно широко известные в эмигрантском сообществе жизненные реалии и стилизуя образ под вполне сложившийся литературный тип, введённый в обиход Тэффи; так, описываемый в тексте интерьер представляет собой двойную культурную цитату: подушки как деталь интерьерного декора надолго вошли в моду после парижской премьеры балета «Шехерезада» (1909, пост. М. Фокина, худ. Л. Бакст), тогда как сиреневый цвет явно отсылает к известному дому «Арданс» (1924–1946, принадлежал бар. К. Н. Аккурти фон Кенигсфельс), фирменным цветом которого, использованным в том числе и в интерьере, до 1928 был бледно-фиолетовый; однако детали биографии героини не имеют ничего общего с биографией владелицы «Арданса» и сопоставимы скорее с биографией Л. П. Оболенской, одной из основательниц дома «ТАО»; манекенщиц не было у дома «Бери», а подчеркнута сниженная, приближающаяся к просторечию, речь героини явно переключается с говором персонажей Тэффи.

Но это не легенда — помощь предоставлялась американцами не как благотворительность, а в виде крупных заказов, см., напр., историю о заказе м-ра Курмана дому вышивки «Китмир» // *Васильев А.* Указ. соч. С. 168–170.

Были русские в моде в начале эмиграции — о послевоенной моде на русских мастеров см. в: *Васильев А.* Указ. соч. С. 135–147, 172, 189–191 (Гл. «Кустарные работы русских эмигрантов» и «Возникновение русских домов моды»).

Вышивала крестиком для заработка — ср. воспоминания Берберовой о том, как в парижские годы она вышивала крестиком «длинные полосы, которые мерились на метры, и в час выходило сантимов на 60 заработку», и низала бусы, что было «несколько выгодней, чем вышивать крестом» // *Берберова Н. Н.* Курсив мой. С. 259, 261.

С. 38. *Ламе* — вид парчовой ткани с тонкими металлическими нитями.

С. 39. *Нервюра* (фр. nervure) — здесь: ребро для поддержки формы одежды.

«Следуйте за мною» ... «Спальный вагон» — возможно, пародия на существовавшую в известных домах мод традицию давать коллекциям и моделям псевдоисторические, чрезмерно изысканные, а нередко и вычурные названия; см., напр.: модели «1811 год», «Жозефина», «Евгения» (Поль Пуаре), «Летучая мышь», «Кувшинки» (дом моды «Ирфе»), коллекция «День парижанки», модели «Амуретт», «Сестра Тереза», «Моя первая кукла», «Рандеву», «Севрский бисквит», «Дым опиума», «Мой второй брак», «День парижанки», «Фантазия Арданса» (дом моды «Арданс») и мн. др.

Пату Жан (1880–1936) — французский кутюрье, основатель брэнда «Жан Пату»; родился в Нормандии, работал в семейном меховом деле, в 1910 переехал в Париж, где в 1912 открыл небольшой швейный салон «Maison Parry» («Дом Парри»); в 1914 вся коллекция дома была скуплена одной американской клиенткой; в августе 1914 был призван в армию, участвовал в Первой мировой войне, в 1919 возобновил свой салон; Пату стремился сделать одежду естественной и удобной, он ввёл в женский гардероб спортивную одежду, вязанные купальники и теннисные костюмы с короткой юбкой, кардиганы; в 1920 — designer ties для мужчин; в 1925

занялся парфюмерным делом, в 1928 создал первый лосьон для загара; поскольку основу клиентуры Пату составляли богатые американки, после начала Великой депрессии рухнул рынок сбыта его моделей, однако дом устоял благодаря парфюмерии, до сих пор пользующейся популярностью и ставшей источником многих современных духов; после смерти Пату дело перешло к его сестре Мадлен и её мужу Раймону Барба.

Вы следите за моделями больших домов? — Это необходимое условие ... Там и полицейские преследования бывают ... громадные штрафы — с одной стороны, все модные дома держали свои модели в тайне (манекенщице дома «Итеб» Н. фон Гоейр, например, лишь однажды с трудом удалось одолжить на одну ночь старую выкройку, по которой она сшила своё первое платье), с другой — не чурались своего рода промышленного шпионажа (владелица дома «Бери» кн. А. Р. Романовская-Стрельнинская для улучшения качества продукции покупала модели, украденные из больших домов моды, и заказывала с них копии); в результате между домами существовала основанная на конкуренции атмосфера взаимного недоверия, о чём вспоминают многие бывшие манекенщицы и владелицы домов: например, когда известная в 1930-е «манекен ведетт», «звезда» дома «Ланвен» Тея Бобрикова в 1936 открыла собственный дом «Катрин Парель», Жанна Ланвен прислала к ней «с проверкой свою портниху», чтобы узнать, не копирует ли Бобрикова модели дома «Ланвен»; владелица дома «Китмир» великая княгиня Мария Павловна, получив предложение о сотрудничестве от нескольких крупных французских домов, в том числе от Жана Пату, решила посоветоваться со своей покровительницей Г. Шанель, с домом которой у неё был заключён эксклюзивный контракт, и Шанель предъявила Марии Павловне список домов-конкурентов, категорически запретив «Китмиру» с ними работать; в шляпном ателье Мищенко, продававшем выкройку шляп в Афины, во избежание копирования моделей разрезали выкройку пополам и отправляли их по почте в двух разных конвертах; леди Абди, урожд. И. Г. Ге, вспоминала о том, как в доме «Шанель» «присвоили» сумки-мешки, которые она делала для дома своей матери А. И. Новиковой и г-жи Каменской «Анек», зная, что едва ли маленький русский дом решится затеять судебный процесс против «Шанель» // Васильев А. Указ. соч. С. 262, 292, 425, 171, 143, 144.

Ягурт ... много лет существует — родиной йогурта (от турецк. yoğurt — сгущённый) считается Фракия; по одной версии, первым народом, научившимся его готовить, были древние фракийцы, по другой — древние булгары; первое упоминание о йогурте встречается в «Естественной истории» Плиния Старшего, который пишет, что «скифы умеют сгущать молоко, превращая его в кислый и весьма вкусный напиток»; в Европе йогурт получил известность в эпоху Людовика Одиннадцатого, страдавшего болезнью живота: некий константинопольский врач принёс королю балканский йогур (так! — О. Д.), и монарх полностью исцелился; широкую популярность йогурт приобрёл в первой половине двадцатого века благодаря компании «Данон».

«Сатирикон» (третий «Сатирикон») — сатирический еженедельный журнал, выходил в Париже с 4 апреля по 15 октября 1931 г., всего вышло 28 номеров; из-

датель-редактор — М. Г. Корнфельд; журнал создавался как продолжение петербургских еженедельников «Сатирикон» (1908–1913, изд.-ред. М. Г. Корнфельд) и «Новый Сатирикон» (1914–1918), о чём редакция заявляла в предисловии к первому номеру: «Я, Божьей Милостью „Сатирикон“ Первый, сын Кая Петрония и внук Минервы, рождённый в Древнем Риме ещё при старом режиме, но изгнанный, как обычно, и возникший вторично — на Неве, на Фонтанке, недалеко от Охранки, несмотря на каковую, лил струю живую, но не думайте дурного, а в лучшем смысле слова, пока не был изгнан снова! По декрету Владимира Ильича в припадке прогрессивного паралича. И ныне на рубеже столетий я, Первый, Второй и Третий, меж молний, как гром весенний, возникаю опять на Сене»; на первой странице номера, посвящённой памяти А. Аверченко и П. Потёмкина, было опубликовано стихотворение Саши Чёрного 1925 г. «Сатирикон», переработанное специально для третьего «Сатирикона» (текст и список разночтений см. в: *Чёрный Саша*. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы 1917–1932. М., 1996. С. 253–255, 474); в парижском еженедельнике публиковались «старые сатириконцы» В. Азов, В. Горянский и Саша Чёрный, сотрудничали представители старшего поколения литераторов М. Алданов, А. Амфитеатров, Г. Адамович, Дон-Аминадо, А. Ремизов, Н. Тэффи и мн. др.; из младшего поколения эмиграции — Н. Берберова, И. Одоевцева, А. Ладинский, хотя их участие ограничивалось одной-двумя публикациями; во втором номере журнала опубликованы «Мемуары эмигрантской бабушки» Н. Городецкой; постоянным художником «Сатирикона» стал А. Шарый (псевд. Ю. Анненкова), рисовали для «Сатирикона» И. Билибин, М. Добужинский, А. Яковлев и др.; начиная со второго номера, в журнале печатался «Альбом пародий» г-на Тощенко (псевд. В. Горянского); кроме того, постоянными рубриками сделались «Литературный альбом» Л. Эндена и «Симфонический альбом» А. Шарого; подробнее о журнале см. в: *Спиридонова Л. А.* «Сатирикон» // Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 414–419; *Иванов А.* Парижский «Сатирикон» // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 4. Иерусалим, 1995. С. 208–219; *Демидова О. Р.* К истории третьего «Сатирикона» // Вестник Удмуртского университета. 1999. Специальный выпуск; см. также: *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 310–314.

Жена работает в кутюре ... — двестише было опубликовано во втором номере «Сатирикона» и почти сразу приобрело в русском Париже популярность, ср., напр., воспоминания Р. Гуля о молодых поэтах и прозаиках русского Монпарнаса (с которыми автор себя не отождествлял): «Счастливыми считались те, у кого жёны хорошо зарабатывали в „модных домах“ (как портнихи или манекены). О их мужьях по Монпарнасу даже ходило некое двестише: „Жена работает в ‘кутюре’, / А он, мятежный, ищет бури!“» // *Гуль Р. Б.* Я унёс Россию: Апология эмиграции. В 3 т. Т. 2. Россия во Франции. М., 2001. С. 174.

Американская легенда — вероятно, имеется в виду т. наз. «американская мечта» (American dream), в которой воплощён идеал жизни среднего жителя Америки как страны равных возможностей; фраза восходит к сочинению Дж. Адамса «Эпос Америки» (1931), в котором американская мечта определяется как «мечта о стране,

где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает»; к основным составляющим концепта американской мечты относится идеал равенства всех перед законом, независимо от этнической или социальной принадлежности; понятие американской мечты тесно связано с понятием „self-made man“, т. е. человека, самостоятельно благодаря упорному труду добившегося успеха в жизни; кроме того, представление об американской мечте принято связывать с иммигрантами, с 1880-х прибывавшими в США из Европы в поисках лучшей жизни.

С. 40. *Курсы и мастерская при женском объединении* — возможно, имеется в виду Комитет русских мастерских «Увруары», основанный княгиней В. К. Мещёрской в рамках Русского Красного Креста; поначалу комитет располагался по адресу: 81, rue de la Faisanderie, 16e, впоследствии — 1-bis, bd Flandrin, 16e.

С. 41. *Своей иглою кормила всех* — см., напр., воспоминания главной портнихи в доме белья «Адлерберг» Н. П. Бологовской, а также рассказ Мищенко о вышивавших ночами русских эмигрантках // *Васильев А.* Указ. соч. С. 337–339, 141; ср. утверждение героини рассказа Тэффи «Анна Степановна»: «Иголкой я всегда себя пропитаю» // *Тэффи Н.* Указ. изд. Т. 3. С. 220; см. также «Деловую оду в честь русской эмигрантки» Саши Чёрного // *Чёрный Саша.* Указ. изд. С. 158–160.

Афганская королева — Сораия (Soraya Tarzi; 1899–1968) . В 1928 г. вместе с семьёй посетила Россию и Европу, при этом была без чадры и в европейском платье.

Амманулла-хан (1892–1960) — эмир и король Афганистана с 1919 по 1929 гг.

По рисункам Билибина — Иван Яковлевич Билибин (1876–1942), график, театральный художник и педагог; создатель т. наз. «билибинского» стиля, основанного на стилизации элементов народного декоративно-прикладного и древнерусского искусства с использованием мотивов устного народного творчества (сказок и былин) и на мягкой и тёплой колористической гамме; с 1900 входил в круг художников «Мира искусства»; в 1904–1913 оформлял спектакли для петербургских и московских театров, в 1908–1909 — для антрепризы С. П. Дягилева в Париже; в эмиграции с февраля 1919, жил в Каире, в 1923 женился на своей бывшей ученице А. В. Щекатиной-Потоцкой, осенью 1924 переехал в Александрию, летом 1925 — в Париж; много работал по заказам русских и французских издательств, оформлял спектакли русских оперных сезонов в Театре Елисейских полей, участвовал в выставках русского искусства в Париже, Брюсселе, Белграде, Берлине и др., европейских городах; в 1934 познакомился с советским послом во Франции В. М. Потёмкиным и в 1935 принял советское гражданство; в сентябре 1936 вернулся в СССР; поселился в Ленинграде, служил профессором графической мастерской Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств, оформил ряд спектаклей для театра оперы и балета им. С. М. Кирова (1936–1937) и Государственного театра драмы им. А. С. Пушкина (1939), сотрудничал с Гослитом; умер в блокадном Ленинграде; подробнее о нём см. в: *Лейкинц О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники русского зарубежья: Биографический словарь. СПб., 1999. С. 149–152.

Театр «Одеон» — один из шести парижских национальных театров, расположен в 6-м округе Парижа, рядом с Люксембургским садом; постройка здания на-

чата в 1779 по проекту Ш. де Велли и М.-Ж. Пейра, выполненному в подражание «Комеди Франсез»; театр открыла королева Мария-Антуанетта 9 апреля 1782; в 1784 в нём состоялась премьера спектакля по пьесе Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро»; название «Одеон» театр получил в годы Великой французской революции.

С. 42. *Сен-Поль* — улица и квартал в 4-м округе Парижа, на правом берегу Сены.

С. 43. *Пластрон* — туго накрахмаленная нагрудная часть мужской верхней сорочки, надеваемой под открытый жилет при фраке или смокинге.

Манекены

С. 43. *Один из хороших заработков — служба манекена* — см. воспоминания Даманской: «Светские дамы — обладательницы достойной наружности и хороших манер — ещё легко получали места в больших модных домах — Maisons de Haute Couture — в „институтах красоты“, в парфюмерных магазинах»; «Для красивых, изящных русских девушек, молодых женщин известнейшие „Maisons de Haute Couture“ охотно открывали малодоступные двери своих храмин. И многие русские манекенщицы, и первые продавщицы преуспевали на этом поприще» // Даманская А. Указ. соч. С. 202, 236; ср. мнение Васильева о русских «титлованных и просто элегантных дамах первой волны», которые «стали первыми знаменитыми манекенщицами /.../ открыли ещё в начале 20-х годов дорогу к этой профессии и подняли её престиж» // Васильев А. Указ. соч. С. 192; русские манекенщицы служили в крупнейших французских и русских парижских домах мод: «Шанель» (Мэри Эристова, Гали Баженова), «Карис» (Катюша Ионина, Вера и Соня Гучковы, дочери московского городского головы Н. И. Гучкова и племянницы известного политика А. И. Гучкова), «Дам де Франс» и «Сёстры Калло» (К. Ионина), «Шанталь» и «Молинё» (Елизавета Граббе, сёстры Нина и Мия Оболенские), «Ланвен» (Тяя Бобрикова), «Поль Пуарэ» (леди Абди) и мн. др.; подробнее см. в: Васильев А. Указ. соч. Главы «Русские красавицы 20-х годов» (С. 387–418) и «Русские красавицы 30–40-х годов» (С. 421–471); жалование манекенщицы составляло от 450 до 2000 франков в месяц и более, в зависимости от статуса дома и места манекенщицы в его иерархии.

С. 44. *Есть среди манекенов «ведетты»* — в 1920–1930-е все манекенщицы парижских модных домов подразделялись на несколько категорий: «манекен де кабин» — работавшие на постоянной основе, и «манекен ведетт» («звёзды») — приглашаемые специально для дефиле; кроме того, существовали «манекен волант» («летучие»), которых нанимали для показа моделей за границей, и «манекен монден» («светские»), к которым относились обладательницы высоких титулов и незаурядной внешности; в 1930-е появились «манекен дублюр» — дублерши, чьи фигуры были примерно такими же, как у «ведетт»; дублерш использовали для примерок; подробнее см. в: Васильев А. Там же.

День манекена — см. исполненное грустного юмора описание службы манекена в стихотворении В. Горянского «Манекен Наташа» // Васильев А. Указ. соч. С. 419.

Абийиёз (фр. *habilleuse*) — костюмерша.

С. 45. *Попадает в журналы, его снимают чуть ли не в сотнях видов* — многие манекенщицы становились участницами конкурса красоты «Мисс Россия», а победительницы — конкурса «Мисс Европа»; портреты победительниц и их заместительниц печатались в эмигрантских и французских журналах; нередко манекенщицы становились профессиональными фотомоделями и киноактрисами; подробнее см. в: *Васильев А.* Указ. соч. С. 414–418, 440, 443, 450–470.

В здании Большой Оперы — здание парижской Большой оперы (Гран Опера) строилось в 1860–1875 годах по проекту Ш. Гарнье в самом центре Парижа, недалеко от Вандомской площади; здание построено в стиле Второй Империи, центральная лестница — в стиле барокко, аркады со сдвоенными колоннами — в стиле «неоренессанс»; здание является памятником архитектуры второй половины XIX в., представляя собой один из самых ярких образцов архитектурной эклектики.

Походке своей ... научаются постепенно ... необходимые приёмы ... Примерки в мастерской ... не шелохнувшись ... опухают ноги — о службе манекенщиц см., напр., в воспоминаниях К. Куприной, дочери А. Куприна: «В первый же день во время перерыва все манекенщицы собрались в огромной гостиной. Меня стали учить медленно ходить с гордым видом, поворачиваться, с быстротой молнии переодеваться /.../ Приходилось часами стоять на помосте, и модельеры драпировали на нас ткани, кружева, ленты, кроили, закалывали, как на деревянных манекенах. Часто от усталости девушки падали в обморок» // *Куприна К. А.* Куприн — мой отец. М., 1971. С. 191, 192.

С. 46. *Журнал «Детектив»* — журнал криминальной хроники, выходит в Париже до сих пор.

Кельнерши

С. 47. *Падение фунта* — в соответствии с золотым стандартом, в течение девятнадцатого и в начале двадцатого веков английский фунт стерлингов равнялся 4.886 доллара США, однако с началом Первой мировой войны следование стандарту было приостановлено, и казначейские билеты стали законным платёжным средством; к концу Первой мировой войны Великобритания задолжала странам-союзницам, главным образом США, 850 млн. фунтов стерлингов, и в послевоенные годы на выплату долга уходило 40% годового бюджета страны; в 1919–1920 страна отказалась от золотого стандарта, в результате чего значительно возрос выпуск бумажных денег и, соответственно, инфляции; в 1925 правительство предприняло попытку стабилизации, для чего была введена вариация на золотой стандарт, по которой валюта равнялась довоенной ценности золота, но обменять валюту можно было лишь на золотые слитки; в 1931, в период Великой депрессии, от этого отказались, что привело к девальвации фунта на 25%.

С. 49. *Кто не помнит множества лопнувших русских столовых* — см. описание одной из таких столовых в 1925 и 1930 в воспоминаниях А. Даманской «На экране моей памяти» // *Даманская А.* На экране моей памяти. *Таубе-Аничкова С.* Вечера поэтов в годы бедствий. СПб., 2006. С. 202–206.

С. 50. *Известный поэт, ныне покойный* — вероятно, имеется в виду В. Маяковский, совершивший свою последнюю поездку в Европу (Берлин, Париж) в 1928–1929, после чего власти несколько раз отказывали ему в выезде за границу, а в СССР РАППовская критика подвергала поэта травле; воспринимая ситуацию как жизненный и творческий тупик, 14 апреля 1930 Маяковский застрелился.

Без ремесла

С. 51. *Куклы* — после благотворительной выставки русских кустарных изделий, устроенной великой княгиней Марией Павловной в 1921, изготовление тряпичных кукол в национальных костюмах или шитьё кукольной одежды сделалось одним из самых распространённых способов заработка русских парижанок; большинство из них брали работу на дом, однако многие служили в кукольных мастерских, самыми большими из которых были мастерские г-жи Лазаревой и М. Васильевой. *Лазарева* — сведений о ней обнаружить не удалось. *Васильева Мария Ивановна* (по другим данным — Васильевна; 1884–1957) — живописец и художница прикладного искусства; с 1905 с незначительными перерывами жила в Париже, куда поехала учиться на стипендию вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны; в 1900–1910-х участвовала в выставках современного французского и русского искусства; в 1910 стала одним из организаторов Русского литературно-художественного общества в Париже, в 1912 в собственной мастерской основала «Свободную Академию» (другое название — «Академия Марии Васильевой»); в годы Первой мировой войны была медсестрой Красного Креста; в 1916 начала создавать гротескные куклы-портреты («А. Матисс», «П. Пуаре», «П. Пикассо» и мн. др.), используя для них папье-маше, ткань, кожу, проволоку и клеёнку; в том же году впервые показала свои куклы на специальной выставке, устроенной А. Сальмоном на средства П. Пуаре; после окончания войны была интернирована в Фонтенбло как российская подданная, после возвращения в 1919 по заказу Пуаре продолжила серию кукол-портретов; в 1920-х работала для театра; в 1930 создала графическую серию «Кукольные портреты людей, которые заслуживают лучшего»; в 1922–1924 участвовала в организации и оформлении благотворительных балов Союза русских художников во Франции; в 1924 открыла в своей мастерской дешёвую столовую для друзей-художников; до начала Второй мировой войны продолжала работать для театра и участвовать в художественных выставках; годы оккупации провела на юге Франции, в 1946 вернулась в Париж; с 1953 жила в старческом доме художников и артистов в Ножансюр-Марн; в конце 1950-х и в 1960–1970-х прошли посмертные выставки работа Васильевой в Париже, в 1995 — в Берлине; самое крупное собрание её кукол находится в коллекции Билли Боя в Лозанне; подробнее см. в: *Лейкинд О. Л., Махров К. Б., Северюхин Д. Я.* Указ. изд. С. 192–194.

С. 52. *Апаш* (фр. *apache*) — этим словом, происходящим от названия индейцев племени апачей, на парижском сленге назывались бандиты, местные гангстеры. Н. Городецкая имеет в виду их тряпичные куклы, популярные в то время.

Кто пустил в ход крашенные кружева? — по мнению А. Васильева, первенство принадлежит баронессе Н. В. фон Медем (урожд. Шлиттер).

Полю Пуарэ! — Пуаре Поль (1879–1944), один из создателей «высокой моды» (*haute couture*), произведший революцию в женской моде XX в.; с 1896 служил у Жака Дусе, в лучшем парижском салоне того времени, где одевал С. Бернар, Г. Режан, Мистангетт; в 1901–1903 — в доме Уорта, обслуживавшем императрицу Александру Фёдоровну и её фрейлин, русских великих княгинь и высшую аристократию; в 1903 открыл собственный салон, в 1912 основал «Газетт дю бонтон» — самый эпатажный из довоенных модных журналов; перенёс стиль модерн в искусство моды; в 1906 в модели «Лола Монтез» освободил женщину от корсета, с 1907 предложил платья в стиле Директории, Консульства и Империи, весной 1910 ввёл в женский гардероб шаровары и юбку-шаровары; заменил привычную пастельную цветовую гамму яркими алыми, синими, зелёными, оранжевыми, лимонными тонами, ввёл в одежду восточные, русские, украинские мотивы; создал т. наз. «Пуаре-оби» по мотивам японского кимоно; стиль Пуаре был господствующим до начала Первой мировой войны, однако в послевоенный период его модели стали представляться слишком вычурными, популярность Пуаре пошла на убыль, и в 1927 предприятие пришлось закрыть, после чего до конца жизни Пуаре писал воспоминания, кулинарные книги, работал для театра; в 1930 вышла в свет его книга «Одевая эпоху» (русский перевод: М.: Этерна, 2011); см. также в: *Васильев А.* Указ. соч. С. 24–28.

Пошур (фр. *pochoir*) — здесь: техника ручной раскраски ткани через трафарет.

Разрисованные платочки, шали, шарфы ... занимался этим делом — см. прим. к с. 36 (Батик).

Пуховка — здесь: подушечка для пудрения.

Вздержка — продёрнутая тесёмка, шнурок.

Линдберг Чарльз (1902–1974) — американский лётчик, в мае 1927 первым в одиночку перелетевший через Атлантический океан (по маршруту Нью-Йорк–Париж).

С. 53. *Колониальная выставка* — 6 мая 1931 г. в Париже открылась Международная Колониальная выставка, действовавшая полгода. Десятки музеев и экспозиций, разместившихся в специально выстроенных зданиях, представляли колонии европейских стран.

Его заменили геометрические фигуры — модерн — намеренный или невольный анахронизм: модерн (другие названия: ар нуво, неостиль, югендштил, сецессион) — стиль конца XIX — начала XX вв., созданный живописцами и графиками; стилистической основой модерна стал мотив вьющегося растения; на рубеже 1910–1920-х сложился новый интернациональный стиль ар деко (*Art Déco*, по названию выставки «*Art Décoration*» — Выставки современного декоративного и промышленного искусства, прошедшей в Париже в 1925); в поздних формах стиль ар деко сближался с геометрическим конструктивизмом.

Пласье (фр. *placier*) — посредник, коммивояжер.

В кафе при Лютеции — имеется в виду отель «Лютеция», построенный в стиле ар деко на левом берегу Сены в 6-м округе Парижа; отель был открыт в 1910; в годы Первой мировой войны функционировал как госпиталь; в 1920–1930-х в залах отеля Союзом русских писателей и журналистов в Париже ежегодно 13 января устраивались новогодние благотворительные балы («Балы прессы»), готовилась концерт-

ная программа, проводились лотереи, для которых писатели жертвовали свои книги с автографами, а художники — свои картины; собранные средства распределялись среди неимущих членов Союза; о новогодних балах см. в: Яновский В. С. Указ. соч. С. 231–234; Кнорринг И. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 315; «Напишите мне в альбом...» беседы с Н. Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От. М., 2004. С. 86.

Пол

С. 54. *Аспидная доска* — пластина, изготовленная из твёрдого чёрного сланца (аспида). Употреблялась для писания грифелем и для изготовления столешниц.

Работает у известного русского художника А. — вероятно, речь идёт о мозаичисте, живописце, поэте Борисе Васильевиче фон Анрепе (1883–1969); с 1908 Анреп учился живописи в Париже в академии Р. Жюльена, посещал свободные академии Ла Палетт и Гранд Шомьер; в 1910 изучал мозаику в Греции и Турции, в том же году переехал в Англию и поступил в Эдинбургский Колледж искусств, в 1911 поселился в Лондоне, где имел собственную мастерскую и был знаком со многими английскими художниками и литераторами; в 1912–1914 публиковал художественные статьи в петербургском журнале «Аполлон»; писал стихи по-русски и по-английски, в 1913 издал в Лондоне первую книгу своих сочинений; после начала Первой мировой войны вернулся в Россию, был призван в армию; в 1915 в доме Н. Недоброво познакомился с А. Ахматовой, впоследствии стал адресатом более тридцати её стихотворений, вошедших в кн. «Белая стая» и «Подорожник» (в 1965 вновь встречался с Ахматовой и написал о ней воспоминания, опубликованные после его смерти); в 1915 вновь уехал в Лондон; последний раз посетил Россию незадолго до октябрьского переворота 1917; в 1918–1926 жил в Лондоне, в 1916–1940 в Париже, с начала немецкой оккупации Франции до 1945 в Лондоне; в 1928–1952 создал своё главное произведение — напольные мозаики для вестибюля лондонской Национальной галереи; подробнее о нём см. в: Лейкинц О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники русского зарубежья. Биографический словарь. СПб., 1999. С. 93–95; Фарджен А. Приключения русского художника. Биография Бориса Анрепа. СПб., 2003.

Красота

С. 55. *Пасси* — район Парижа на правом берегу Сены, прилегающий к Булонскому лесу; стал частью города 1 января 1860 и дал название 16-му округу; в Пасси («в Пассях») жили И. Бунин, Б. Зайцев, Н. Тэффи, И. Шмелев и мн. др. русские писатели.

Аппарат Eugène — устройство для укладки волос, разработанное компанией «Eugène Regma», ведущей французской фирмой по производству средств для ухода за волосами.

Сашетка, саше (фр. sèche-cheveux) — аппарат для сушки волос.

С. 56. *Езжу в Народный Университет* — имеется в виду Русский (или Свободный) Народный университет в Париже, открытый в 1921 под эгидой Русской академической группы в Париже и ориентированный на скорейшую социальную

интеграцию эмигрантов; при университете работали факультет общественных наук, где преподавались общеобразовательные дисциплины (история, философия, литература, право); прикладное отделение, на котором преподавали техническое черчение, автомобильное дело и т. п.; курсы иностранных языков; лекции читались по вечерам или в нерабочие дни, чтобы их могли посещать те, кто днём был занят на службе; лекторами выступали известные учёные, которым преподавание в университете давало возможность представить результаты своих исследований максимально широкой аудитории; кроме того, по четвергам (свободный от школьных занятий день) и субботам проводились специальные лекции для молодёжи и подростков; подробнее см. в: *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 87; *Ипполитов С. С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004. С. 309–310.

Ещё и радий не был открыт — первое сообщение об открытии радия (в виде смеси с барием) было сделано П. и М. Кюри 26 декабря 1898 на заседании Французской Академии наук; в 1910 Кюри и А. Дебьерн выделили чистый радий.

Буржуа — известная французская косметическая компания, основана в 1863 актёром Ж.-А. Понсеном, сумевшим впервые в истории косметических средств изготовить сухие румяна; в 1868 Понсен передал свою продукцию другу, актёру А. Н. Буржу, по фамилии которого была названа компания.

С. 57. *Маркиз де Севинье* («*Marquise de Sévigné*») — французская кондитерская компания, основана в 1898 г.

Сесиль Сорель (Сесиль Эмилия Сюррее; 1873–1966) — популярная комедийная актриса, звезда театра «Комеди Франсез». Отличалась элегантностью, изяществом, экстравагантностью костюмов. Однако её выступающий «орлиный» нос не раз становился предметом шуток и карикатур. В 1929 Сорель провела три недели в частном госпитале, где сделала пластическую операцию, хирург удалил несколько хрящей и придал носу правильную форму. Появление актрисы на сцене «Комеди Франсез» в роли Сафо (в одноименной пьесе А. Доде и А. Бело; актриса играла в этом спектакле с 1912 года) «с новым носом» стало сенсацией, бурно обсуждавшейся парижанами.

Подготовка публикации А. М. Любомудрова;
комментарии О. Р. Демидовой и А. М. Любомудрова

Выражаем благодарность *Александру Васильеву*, историку моды, коллекционеру, почетному члену Российской Академии художеств, за помощь в подготовке данных комментариев и иллюстрации, любезно предоставленные им из собственной коллекции.